

Ирина Градова

Ювелирная РАБОТА

КАБИНЕТНЫЙ
ДЕТЕКТИВ

Новый
роман

Кабинетный детектив

Ирина Градова

Ювелирная работа

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Градова И.

Ювелирная работа / И. Градова — «Эксмо»,
2023 — (Кабинетный детектив)

ISBN 978-5-04-188150-4

Лера Медведь расследует громкое дело: задушена девушка, в отсутствие хозяйки присматривавшая за квартирой матери самого прокурора города! Следствие пытается выяснить, кому понадобилось убивать скромную студентку, бедную девушку из многодетной провинциальной семьи. Тем временем матушку прокурора больше волнует другой вопрос: где ее обожаемый кот? В день убийства красавец-мейнкун Леопольд бесследно пропал. Его любящая хозяйка на грани инфаркта, и добрая Лера опрометчиво обещает старушке прояснить судьбу ее дорогого питомца. Теперь ей придется искать не только убийцу, но и кота! Впрочем, Леопольд ведь может оказаться важным свидетелем – он был на месте преступления! Но какой помощи следствию можно ожидать от неразумного животного?.. Героини остросюжетных романов Ирины Градовой очаровательны, стремительны и непредсказуемы, как океанская волна. Этих бесстрашных и обаятельных женщин ждут невероятные приключения, а читателей – увлекательные романы, от которых просто невозможно оторваться.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-188150-4

© Градова И., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	47
-----------------------------------	----

Ирина Градова

Ювелирная работа

© Градова И., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Едва удерживая в руках поднос, заставленный деликатесами, Лера медленно шла в комнату: на кухне телевизора не было, а она хотела посмотреть передачу, ведь ей так редко удавалось просто посидеть у экрана, выкинув из головы мысли о работе! Лера питала особую слабость к постановочным «судебным» шоу – во-первых, потому, что дела рассматривались интересные, а во-вторых, ей нравился ведущий – настоящий прокурор. По работе с Никитой Роговым Лера пока не сталкивалась, но его лично знала Алла Суркова, ее непосредственная начальница в Следственном комитете, и поэтому девушке казалось, что она как будто тоже немного с ним знакома. Правда, в шоу Рогов исполнял роль судьи. Он не просто отлично смотрелся в кадре, но и обладал отменным чувством юмора, что делало его программы еще приятнее. Короче, Рогов не походил на большинство юристов, работающих в правоохранительной системе: в лучшем случае, они – просто неплохие ремесленники, а в худшем – недоучки, с трудом окончившие юрфак и считающие себя корифеями только потому, что у них имеется соответствующий диплом, а на самом деле плохо разбирающиеся в законах и путающиеся в определениях. Это в детективных сериалах адвокаты говорят эзоповым языком, заговаривая публику цитатами из Кафки и Ницше. В реальности они редко правильно согласовывают падежи и читают что-то, помимо документов по делу, которое в данный момент ведут. Рогов был другим – умным, начитанным и саркастичным, и потому он нравился Лере. Она надеялась, что в настоящем зале суда он так же хорош, как и в студии.

В этот раз мама особенно расстаралась: бастурма, нежный лосось горячего копчения, острый сыр – м-м-м, объедение! Правда, Галина Федоровна упала бы в обморок при виде того, как ее кровиночка за обе щеки уписывает мясо с рыбой, заедая их корнишонами в меду и запивая все это сладким чаем. Вкусовые привычки младшей дочери всегда казались матери странными, и она не уставала ей за это выговаривать, но Лера ничего не могла с собой поделать. Она любила смешивать еду и искренне полагала, что главное для цивилизованного человека – не привычные сочетания продуктов, а умение пользоваться столовыми приборами при их поедании, потому что все остальное – дело вкуса.

Дело, рассматриваемое в программе, напоминало реальное, имевшее место года два назад: известный питерский фотограф в припадке ревности убил жену, распилил тело на части и хранил их на балконе пару зимних месяцев. В конце февраля он вывез останки и захоронил их в лесополосе. Ситуация была интересна тем, что при первом рассмотрении обвиняемого оправдали, и лишь после вмешательства прессы и телевидения дело вернули на доследование, состоялся другой суд, и фотографа упекали в колонию общего режима на пятнадцать лет. Отягчающим обстоятельством послужило то, что он не просто убил жену, но еще и разделал труп, как коровью тушу. Кроме того, пока тело матери лежало в пакетах на заснеженном балконе, ее дети находились в квартире вместе с отцом-убийцей! Однако Лера заметила, что создатели шоу кое-что изменили, пытаясь усилить интригу, добавив возможных подозреваемых и ненадежных свидетелей, дающих разные показания с интервалом в пару минут. Поэтому Лере, знавшей о том случае очень хорошо, стало интересно, и она даже начала сомневаться, что фотограф и в самом деле виновен.

В тот момент, когда Рогов вызвал последнего свидетеля, раздался телефонный звонок. Полная решимости не брать трубку, если звонят мама или сестрица, Лера с удивлением увидела на экране номер Аллы Сурковой, своей непосредственной начальницы. Та почти никогда не звонила ей домой, предпочитая решать все вопросы на работе, где они обе и так проводили большую часть времени.

– Добрый вечер, Лера! – голос начальницы звучал бодро, словно она только что вернулась со средиземноморского курорта. – Вы уж простите, что беспокою вас дома в такое время, но у меня к вам большая просьба.

– Слушаю, Алла Гурьевна! – встрепенулась Лера: «просьбы» Сурковой обычно означали, что она собирается подкинуть своей протеежке какое-то интересное дельце. Это пришлось бы весьма кстати: дела, которые вела сейчас Лера, казались простыми и не требовали большого напряжения мозгов, зато бумажной работы предстояло море!

– Кто-то вломился в квартиру, ограбил ее и убил находившуюся там девушку, – пояснила Суркова.

– Взлом с проникновением и убийство? – удивилась Лера. – А почему этим занимается Следственный комитет, можно узнать?

– Можно: квартира принадлежит матери недавно назначенного прокурора города.

Вот оно что! Ну, разумеется: если бы не причастность к делу большой «шишки», убийством и ограблением занялись бы местные полицейские, но – прокурор города...

– Погодите, – внезапно осенило Леру, – вы о Рогове говорите? О Никите Рогове?

– Совершенно верно, – немного удивленно подтвердила Суркова. – А что, есть проблемы?

– Да нет, никаких проблем, Алла Гурьевна, диктуйте адрес!

Не рассказывать же ей, что Лера смотрит шоу с участием Рогова в качестве актера!

Дозвониться Лере удалось только до Севады Падояна, и он пообещал подъехать прямо на адрес, чтобы уже там встретиться с ней.

Инна Георгиевна Рогова, владелица ограбленной квартиры, проживала в «сталинском» доме на улице Воскова, что на Петроградке. Это место всегда считалось одним из самых престижных, а уж сейчас, когда большинство зданий подверглось капремонту, а старые снесли, воздвигнув на их месте новые элитные дома, цены на местную недвижимость стали зубастыми, как парагвайские кайманы! Лере нравился этот район с красивыми узкими улицами и яркими, но не кричащими витринами дорогих магазинов. Единственным, что слегка портило впечатление, было скудное количество зеленых насаждений, отличающих более новые кварталы, но все-таки это – исторический центр со всеми вытекающими, а наслаждаться свежим воздухом можно и за городом.

Территория оказалась закрытой: маленький двор с круглым ухоженным газончиком отделили от улицы чугунные ворота. Севада поджидал Леру у подъезда.

– Эксперты уже работают, – сообщил он. – Их Суркова вызвала, а хозяин... ну, то есть, прокурор, с ними.

– А где носит Виктора и Леонида? – поинтересовалась Лера.

– Так выходной же! – развел руками опер. – Леня, кажется, за город поехал, а у Логинова телефон вообще отключен! Так что нас двое.

Не самый плохой расклад: Севада нравился Лере тем, что, в отличие от Виктора Логинова, мнившего себя пупом земли, на него всегда можно было положиться. Они позвонили в домофон и, получив приглашение, вошли. Конечно, этот старый дом – не чета современному, где при входе есть и консьержка в отдельной кабинке, и мраморный холл, освещенный множеством светильников, однако в этом чистеньком, хоть и простоватом подъезде было какое-то свое очарование. Дверь в квартиру оказалась полуоткрыта: в самом деле, к чему запирается,

когда внутри полно народу, и каждую минуту могут подтянуться еще люди? Лера узнала Рогова сразу: он выглядел почти так же, как на экране – ну, разве что чуток постарше: умело наложенный в студии грим скрывал мелкие морщинки в уголках глаз и рта. Прокурор нервно курил на небольшой уютной кухне, оснащенной по последнему слову техники. Громоздкий холодильник не поместился в само помещение, поэтому его впили в нишу между кухней и прихожей. При виде Леры на лице Рогова появилось выражение разочарования.

– Я думал, Суркова приедет! – процедил он сквозь зубы. – Вы кто?

– Валерия Юрьевна Медведь, – представилась она.

– Прямо *Медведь*? – переспросил он и вдруг улыбнулся, и его мрачное лицо приобрело дружелюбное выражение – такое, какое она привыкла видеть по телевизору.

Лере хотелось сказать, как она любит его передачу, но она сочла это неуместным в данных обстоятельствах. Вместо этого она спросила:

– Так квартира не ваша, Никита Терентьевич?

– Моей матушки, – кивнул он. – Она в отъезде, в санатории в Зеленогорске. Вот-вот должна вернуться... черт, даже не представляю, как сообщу ей о случившемся – она с ума сойдет!

– Здесь же не только ограбление, я правильно понимаю – кто-то убит?

– Да, Катя...

– Ваша родственница? – сочувственно уточнила Лера.

– Нет, она за матушкиной квартирой присматривает... то есть присматривала. Видите ли, матушка любит дома отдыха, санатории и всякие такие дела, а дома ей сидеть скучно. Так что, если сложить вместе все ее поездки, едва ли она проводит дома больше восьми месяцев!

– Понимаю, – пробормотала Лера, прикидывая в уме, сколько же денег надо, чтобы постоянно разъезжать по довольно дорогим заведениям.

– Ее второй муж был известным режиссером, – словно в ответ на ее мысли, добавил Рогов. – Гавриил Жеребцов, может, слышали?

– Конечно! – воскликнула Лера. – Он же снял тот знаменитый сериал...

– «Последний конвой», да, – подтвердил прокурор. – И еще много чего, но все почему-то помнят только этот фильм.

Лера смотрела его подростком, и это был один из немногих отечественных сериалов, который она считала по-настоящему захватывающим. Ну, тогда понятно, откуда у вдовы режиссера финансы на поездки – все законно!

– Где тело? – деловито спросила она.

– В гостиной, – вздохнул прокурор, нервно теребя пальцами сигарету. – Так жаль...

Двое понятых, видимо, супруги, переминались с ноги на ногу на пороге гостиной: они определенно чувствовали себя не в своей тарелке – не удивительно, ведь не каждый день приходится присутствовать на месте убийства! Погибшая девушка лежала на ковре лицом вниз. Светлые волосы до плеч, стройная фигура, облаченная в джинсы и футболку. Лица под волосами Лера не разглядела и не стала беспокоить экспертов, возившихся около трупа.

– Как предварительно определяете причину смерти? – задала она вопрос, заметив в группе знакомое лицо Ильи Томилина.

То, что сюда нагнали целую бригаду, несомненно – следствие высокого положения потерпевшего, иначе обошлись бы одним-двумя спецами.

– Если предварительно, то – удушение, – ответил Илья.

Ей нравился этот немолодой, постоянно взъерошенный мужчина, предпочитавший, несмотря на худобу, мешковатый стиль в одежде, отчего смотрелся забавно и как-то несерьезно. Но он отличался вниманием к деталям, и Лера могла не беспокоиться, что Томилин что-то пропустит.

– Чем душили?

– Трудно сказать без исследования, – покачал головой эксперт. – Странгуляционная борозда довольно широкая – возможно, шарфом или платком? Но ничего похожего здесь нет.

– Значит, злодей унес оружие убийства с собой, – задумчиво проговорила Лера, обходя тело за спинами коллег. – Есть еще зацепки?

– Следы борьбы повсюду, как вы и сами можете видеть: деваха отчаянно сопротивлялась. Надеюсь обнаружить под ее ногтями эпителий нападавшего, если повезет.

– Отпечатки?

– Море!

– Каково приблизительное время смерти?

– Судя по температуре тела, с десяти до двенадцати ночи, точнее скажу позже.

Лера отошла подальше, пытаясь охватить взглядом сцену преступления. Жертва и впрямь дала убийце достойный отпор: в комнате царил полный бардак. На полу валялись осколки напольной вазы – судя по всему, антикварной, массивные кресла сдвинули с мест, стеклянный журнальный столик треснул, но не разбился – видимо, на него падали. Створки красивого резного буфета были распахнуты, а все содержимое безжалостно вывалено на пол – альбомы с фотографиями, какие-то документы...

– Что взяли? – спросила она, обращаясь к прокурору: он уже докурил и вернулся в комнату.

– Трудно сказать – надо, чтоб матушка взглянула. Навскидку, нет шкатулки с деньгами, но там было, думаю, не больше десяти тысяч: матушка не хранит дома много.

– А драгоценности?

– У нее есть дорогая ювелирка, но она каждый раз, уезжая, отвозит все ко мне. Это я ее попросил, ведь она так часто отсутствует!

– Мудрое решение! Так, выходит, тут особо и нечем поживиться было?

– Было чем, но, полагаю, либо преступник не разбирался в антиквариате, либо счел, что вытащить его из квартиры незаметно не сумеет. Технику тоже не взяли, кстати, – добавил Рогов, кивнув на большой плазменный телевизор, висевший на стене. Под ним валялись сбитые колонки домашнего кинотеатра.

– Интересно, за чем же он, или они, тогда приходил? – вслух задалась вопросом Лера. – Вряд ли для того, чтобы убить девушку... Как вы сами-то оказались в квартире?

– Зашел за кое-какими документами, которые хранятся у матушки, – пояснил прокурор. – А тут – такое!

– Она жила здесь или просто приходила?

– Катя здесь живет... жила на постоянной основе, когда матушка уезжала.

– У нее есть свое жилье?

– В общежитии университета.

– Она студентка?

– Юридического факультета.

– А каковы были ее обязанности?

– Ну это лучше опять же у матушки поинтересоваться. Думаю, полить цветы там, кота покормить, пыль стереть.

– Кота? – переспросила Лера. – Я что-то не видела здесь никакого кота.

– Он, видимо, от испуга куда-нибудь забился: слишком много народу сюда набилось.

– Понятно...

Итак, у случившегося, возможно, имеется свидетель, вот только разговорить его вряд ли удастся, ведь переводчик с кошачьего – профессия редкая, если она вообще существует.

– Дверь была заперта или открыта, когда вы пришли? – спросила Лера прокурора.

– Она захлопывается. Замок не взломан, если вы это имеете в виду.

– Выходит, Катерина сама открыла дверь своему убийце?

– Получается, так.

– Значит, либо она его знала, либо это был кто-то, кто обычно вне подозрений – доставщик еды или, допустим, ремонтник какой-нибудь, – принялась Лера вслух строить предположения. – В прихожей следы борьбы отсутствуют – значит, на девушку напали не сразу. Она вряд ли пригласила бы доставщика в гостиную, верно?

Прокурор согласно кивнул. Лере показалось, что он ведет себя слегка отстраненно. Конечно, ограбили не его, но все-таки квартиру не чужого человека, родной матери – «матушки», как он ее называет.

– Мы закончили, – объявил Томилин, приближаясь. – Тело забираем.

– Хорошо, – кивнула Лера. – Постарайтесь как-нибудь по-тихому, чтобы соседи... Ну, вы понимаете.

Она наблюдала, как труп положили на носилки, накрыв сверху простыней. Ей всякий раз становилось невыразимо грустно при выносе тела, ведь этот человек имел какую-то свою жизнь, надежды, мечты, а теперь всему это пришел конец по чьей-то злой воле! Особенно печально, когда погибает кто-то молодой, у кого все было впереди – вот как в этом случае.

Неслышно подошел Севада.

– Я осмотрел другую комнату и санузлы, – сообщил он.

– И?

– Ничего интересного: похоже, все происходило только здесь. В принципе вряд ли убийца стал бы шариться в ванной и туалете в поисках ценностей.

– А вот и не скажи, – возразила Лера. – Куда только народ не прячет свое кровное – и в бачок унитаза, и в пакеты с прокладками, и в морозильник.

– Твоя правда, – кивнул опер. – Даже в цветочные горшки: профессионал везде найдет.

– Да, вот только что же он искал такое ценное, что решился на убийство?

– Может, не ожидал никого здесь встретить? Стару... в смысле, хозяйка отъехала, он думал, что хата пустая, а тут – сюрприз-сюрприз, и пришлось импровизировать?

– Не исключено... Значит так, Севада: давай-ка дуй по квартирам – может, кто-то видел что-то или слышал шум. Участкового с собой прихвати, лады?

– Сделано! А ты чем займешься?

– Опрошу Рогова поподробнее, а потом вернусь в офис. Ты, как закончишь, тоже приезжай – попробуем составить картину преступления в общих чертах для доклада Сурковой.

Когда Падоян ушел, Лера присела на диван, жестом предлагая Рогову присоединиться, и достала блокнот.

– Итак, когда точно вы пришли в квартиру вашей... – начала она задавать первый вопрос для протокола, когда в прихожей раздался шум.

Лера, прокурор и эксперты одновременно повернули головы к двери, на пороге которой через мгновение возникла дородная фигура, облаченная в стильный кардиган, надетый поверх шелкового платья. Вместе с дамой в комнату проник аромат дорогих духов.

– Что здесь, ради бога, происходит?! – зычным контральто спросила вновь прибывшая, окидывая орлиным взором развороченную гостиную. – Кит, что... что случилось?!

– Мама?! – изумленно воскликнул Рогов, вскакивая на ноги. Лера последовала его примеру, оказавшись лицом к лицу с матерью прокурора.

Небольшой рост пожилой женщины компенсировали высокие каблуки, что позволяло поздравить ее с отсутствием обычных для ее возраста проблем с костями и позвоночником. На голове Роговой красовалась умопомрачительная красная шляпа с широкими полями: Лера подумала, что для столь низкорослой дамы, пожалуй, она великовата – уж больно напоминает шляпку гриба, как формой, так и цветом!

– Меня, что... ограбили?! – прошептала хозяйка квартиры. – О боже, моя ваза... Кит, кто это все натворил?!

– Мама, ты только не волнуйся... – забормотал прокурор города, и Лера искренне пожалела его: высокая должность сына мало что значила для его мамы, для нее он оставался мальчишкой, которого можно прилюдно отчитывать за плохое поведение.

– Не волнуйся – ты шутишь?! – перебила Рогова, проходя дальше в комнату и озираясь по сторонам. – Какой кошмар, какой... А вы, девушка, кто? – наконец, заметила она Леру.

Та представилась.

– Такой молодой следователь? – недоверчиво переспросила Рогова. – Кит, а что, поопытнее никого не нашлось?

– Мама, давай ты не будешь высказывать сомнений по поводу компетентности моих коллег! – неожиданно проявил мужественность прокурор. – Валерия Юрьевна – опытный специалист, а ты, уж извини, совершенно не разбираешься в следственных действиях!

Рогова собиралась что-то на это ответить, но потом передумала и с тяжелым вздохом опустила в кресло.

– Я принесу тебе водички, – снова становясь кротким и послушным сыном, сказал Рогов и вышел в коридор.

– Вы уж простите, девуш... то есть, Валерия, что я вот так сорвалась! – пробормотала хозяйка квартиры, медленно снимая свою потрясающую шляпу и снова окидывая растерянным взглядом окружающий ее бедлам. – Просто... все это так... ужасно!

– Я вас прекрасно понимаю, – заверила ее Лера, ничуть не обиженная первоначальной реакцией потерпевшей: она была вполне приемлемой, ей и не с таким приходилось сталкиваться в своей практике. – Но вы же должны быть в санатории, я правильно понимаю?

– Как видите, я вернулась! Должна была только к вечеру, но тут соседка позвонила и сказала, что понаехали какие-то люди, дверь в квартиру нараспашку... Что украли?

– Ваш сын говорит, что вы не держите здесь драгоценностей и больших денежных сумм?

– Это правда – и, как выясняется, правильно делаю!

– Он сказал, что технику и антиквариат не тронули, – добавила Лера.

– Слава богу! Но зачем тогда..?

– Убита девушка, которая присматривала за квартирой.

– Катя... убита?!

Рогова побледнела так, что Лера испугалась за ее здоровье. Очень вовремя появился прокурор со стаканом воды.

– Я накапал тебе корвалола, – предупредил он, передавая его матери. Та, стуча зубами о стекло, выпила половину и откинулась на спинку кресла, прикрыв глаза.

– Кит, они убили Катю! – простонала она. – За что?!

– Я знаю, мам, – вздохнул Рогов, забирая у нее стакан. – Мы во всем разберемся...

Внезапно пожилая дама принялась оглядываться, словно в поисках чего-то.

– А где же... где же Леопольд?! – пробормотала она. – Леопольд! Леопольд!

Лера перевела взгляд на Рогова.

– Леопольд – это ее кот, – тихо пояснил он. – Мама, мы его найдем, попозже!

– Да какое попозже! – взвизгнула Рогова, с неожиданным проворством вскакивая на ноги. – Леопольд!!!

– Он где-нибудь прячется, мама, ведь тут было столько незнакомых людей...

– Леопольд сразу вышел бы на мой голос! – возразила Рогова, продолжая метаться по комнате. – Он всегда встречает меня... Леопольд!

– Может, он выскочил, когда дверь была открыта? – едва слышно предположила Лера, обращаясь к прокурору. – Народ ведь сновал туда-сюда!

– Тогда дело плохо! – так же тихо ответил Рогов. – Матушка без ума от этого черного монстра и сживет меня со свету, если он действительно пропал!

Рогова кинулась в коридор, видимо, собираясь осмотреть всю квартиру в поисках кота. Лера и прокурор обреченно последовали за ней, понимая, что, пока она не отыщет питомца, разговаривать с ней смысла не имеет.

* * *

– Так значит, у старушки пропал котик?

Они с Алексом сидели на террасе уютного ресторанчика на улице Рубинштейна, глядя на оживленный транспортный поток и людей, празднично шатающихся по улице в этот вечерний час.

Лера познакомилась с Алексом недавно, на праздновании пятой годовщины свадьбы сестры. Встреча была подстроена мужем Эльвиры по просьбе матери сестер, обеспокоенной тем, что у Валерии нет постоянного кавалера. В отличие от большинства подобных «свиданий вслепую», это оказалось удачным, и молодые люди начали встречаться. Алекс, в миру – Александр Жегарин, занимался торговлей антиквариатом, а в свободное время реставрировал старинную мебель, так как в свое время получил профессию краснодеревщика. Он оказался разносторонне развитым человеком и мог часами рассказывать о своих путешествиях. Лера оценила его чувство юмора и умение слушать. Алекс не только говорил, но и задавал вопросы о ее работе и жизни, а это означало, что она ему и в самом деле небезразлична: Лере слишком часто приходилось общаться с мужчинами, занятыми только собственной персоной.

– Тебе смешно, а она просто в отчаянии! – с укоризной ответила Лера на замечание спутника, правда, тоже не в состоянии сдержать улыбки. – И это не просто котик, а мейн-кун, понятно?

– Кто-кто?

– Вот, гляди, – Лера достала телефон и показала ему снимок, предоставленный Роговой.

– Здоровенный какой! – удивился Алекс. – А ты уверена, что это кот?

– Точно – кот, – заверила его Лера. – Я в интернете посмотрела: мейн-куны и впрямь огромные, могут весить до двенадцати кило!

– Ого!

– Мамаша прокурора места себе не находит, просит котика найти, – вздохнула Лера.

– Ну да, чтоб СК занимался поиском домашних животных! – хохотнул Алекс. – А мышей ловить в подвале вас еще не просили?

– Зря смеешься, – серьезно сказала Лера. – Учитывая факт, что Рогов – прокурор города со множеством связей, могут и мышей...

– Слушай, а не могли его украсть?

– Это после убийства-то?

– Ты же сама говоришь, что ничего ценного не взяли – может, решили хоть как-то компенсировать «затраты»? Такого котяру с руками оторвут на рынке!

– Мы, конечно, попробуем выяснить, не пытался ли кто недавно сбыть с рук мейн-куна, но, боюсь, это ложный след.

– Тогда зачем лезли в хату?

– У нас две основные версии. Первая: в квартире хранилось нечто, нужное вору, а девушка просто оказалась не в том месте и не в то время...

– Но что же могло быть ему нужно? – перебил Алекс.

– Прокурор сказал, что заскочил в квартиру матери, чтобы забрать какие-то бумаги, которые там хранил. Правда, он утверждает, что они не пропали, но вор мог и не знать, что нужные ему документы отсутствуют. Или в доме было что-то еще, о чем ни Рогов, ни его мамаша почему-то не желают говорить.

– Ты же сказала, что замок не взломан, – заметил Алекс. – То есть девица сама открыла дверь?

– Или так, или у преступника имелись ключи, – согласилась Лера. – И тут мы подбираемся ко второй версии: злодей охотился именно за девушкой, а не за хозяйским добром!

– То есть, он проник в квартиру с целью убийства?

– Ну, может, он и не планировал убивать, – пожала плечами Лера. – Если она сама его впустила, возможно, поначалу все было нормально, а потом произошло нечто, выведшее его из себя. Катю задушили, а не зарезали и не застрелили, что позволяет предположить непреднамеренное убийство.

– И что вы намерены делать?

– Изучим ее окружение, выясним, с кем у нее были «терки», кто мог желать ей зла – бывшие парни, работодатели и так далее.

– Тебя будут прессовать, – заметил Алекс. – Если в деле замешан прокурор города...

– Да уж, можно не сомневаться, – уныло кивнула Лера. – С другой стороны, если удастся правильно «раскрутить» это дело, можно ожидать раздачи «слонов»!

– Что ж, желаю удачи! Как насчет десерта?

* * *

Алла сидела напротив генерал-майора юстиции и наблюдала за его руками, терзающими кубик Рубика: она уже лет двадцать не видела ни у кого этой головоломки, столь популярной в восьмидесятые и девяностые годы прошлого века! Интересно, где Кириенко ее откопал?

– Значит, ты поручила дело Медведь? – произнес он, наконец. – А по зубам ли оно ей?

– Вы на возраст намекаете, Андрон Петрович?

– И на это – тоже, она ведь «зеленая» совсем!

– В деле Вагнеров Валерия проявила себя наилучшим образом! – возразила Алла.

– Согласен, и все же... Ты же понимаешь, что это дело будет у всех на устах? СМИ обязательно раздуют скандал: как же, ограбили самого прокурора города! Мы с тобой оба в курсе, сколько вопросов и кривотолков вызвала его кандидатура.

– В основном из-за участия в телешоу.

– Не только. Видишь ли, ты, Аллочка, не знаешь всего – строго говоря, всего не знает никто, но мне известно чуть больше, чем тебе. Рогов – весьма спорная фигура, и за ним стоят люди, пока еще способные побороться с серьезными силами, которые до сих пор не вышли на авансцену!

– Политика – не мой конек, Андрон Петрович, – покачала головой Алла. – Я в ней не разбираюсь!

– А пора бы уж и начинать.

– Зачем, ведь есть вы!

– Пока.

– То есть? – встревожилась она. – Вы куда-то собираетесь?

– Рано или поздно это произойдет, – мягко проговорил Кириенко. – И когда я уйду на покой, мне хочется, чтобы мое место занял человек, способный не только отлично работать, но и лавировать в море, полном хищных рыб, готовых сожрать каждого, кто зазевадается или отнесется к ним недостаточно серьезно! Я о тебе говорю, если ты еще не поняла!

– О нет, Андрон Петрович, я не готова!

– Время есть, я пока не на пенсии, но тебе пора начать задумываться о будущем, понимаешь? Поверь, я предлагаю наилучший расклад: ты можешь представить, что на это место придет «новая метла», скажем, из Москвы, и начнет перестраивать тут все – от собственного кабинета до стиля работы!

– Но...

– Никаких «но», я уже все решил! Вернемся к Рогову. Он – человек непростой, и помни, что за ним стоят не только люди нашего круга: СМИ тоже имеют влияние, и весьма серьезное! Твоей протееже надо готовиться к беспрецедентному давлению со всех сторон – как считаешь, готова Медведь к такому раскладу?

– Посмотрим.

– Только гляди в оба, ладно? Если «посыплется» она, то и нас с тобой забрызгает!

Алла отлично понимала, о чем говорит ее босс, поэтому даже не пыталась возражать.

– А теперь расскажи мне, как продвигается дело об убийстве и ограблении того ювелира, как его...

– Фельдмана.

– Да, точно – вот память у меня стала, дырявая как решето!

Алла не стала льстить Кириенко словами о том, что держать в голове все дела, поступающие в комитет, с фамилиями фигурантов – особый талант, а генерал-майор обладал им в полной мере. Кроме того, что это дар, так еще и большой труд: Алла знала, как много времени начальник тратит на изучение каждого дела, а не только самых «громких», которые могут принести политические или иного рода дивиденды. Вряд ли она сумела бы выполнять его работу так же скрупулезно и с той же отдачей, или для этого ей пришлось бы поселиться в кабинете и выходить только по большой и малой нужде – на личной жизни пришлось бы поставить жирный крест! А часики-то тикают: в последние полтора года ее не оставляли мысли о ребенке, которого надо «успеть завести» до того, как ее биологический возраст станет препятствием.

– Пока особых подвижек нет, – вздохнула она, отвечая на вопрос Кириенко. – Изучаем его ближний круг. Единственное, что доподлинно известно: Фельдман недавно привез из Индии крупную партию алмазов. Подозреваю, что сделал он это не вполне легально, однако его брат утверждает, что они могли стоить больше трехсот тысяч долларов.

– Триста тысяч «зелеными»? – покачал головой генерал-майор. – Откуда у него такие деньги?

– Брат говорит, Фельдман приобрел их по случаю.

– Ворованные, что ли?

– Могу лишь предполагать, но подозреваю, что да: именно поэтому информации о том, что он ввез алмазы в Россию, нет – скорее всего, дал на лапу, кому надо, и прошмыгнул мимо таможенного контроля. Очевидно одно: тот, кто влез к Фельдману, точно знал, что у него дома находятся бриллианты, ведь обычно он либо оставлял их в мастерской в сейфе, где есть надежная сигнализация, либо арендовал банковскую ячейку. Между прочим, однажды его сейф уже пытались взломать, и грабителя задержали еще до того, как он сумел проникнуть в мастерскую.

– А кто был в курсе, что ювелир привез алмазы?

– Во-первых, его родственники – во всяком случае, брат. Еще пара подмастерьев, работавших на него, несколько близких друзей и даже кое-какие клиенты, уже «забившие» для себя определенные камни.

– Что значит – «забившие»?

– Они внесли залог в размере стоимости бриллиантов.

– Неужели такое практикуется?

– Как выяснилось, да: клиенты бронируют камни, оплачивая их полную стоимость, ну, а за само изделие платят уже после изготовления.

– Ясно... Что ж, работай: сдастся мне, это дело не вызовет такого резонанса, как то, что ты отдала Медведице!

– Кому-кому? – переспросила Алла.

– Медведь – хорошая фамилия для мужика, а эта твоя Валерия – дама, так что, Медведица, и точка!

* * *

Лера собрала свою небольшую команду в кабинете. Когда она находилась в нем одна, помещение казалось просторным, однако присутствие еще троих мужчин каждый раз заставляло ее сознавать, насколько оно тесное на самом деле – им едва-едва хватает места! Не то что офис Сурковой – большой, недавно отремонтированный и заново меблированный... Лера понимала, что такой кабинет необходимо заслужить, поэтому старалась не завидовать, но как же это, черт подери, трудно!

Она окинула взглядом оперативников, которых лично подбирала, пытаясь создать группу единомышленников, как сделала это ее кумир Алла Суркова. В команде начальницы каждый занимался своим делом, а вместе они работали словно детали механизма дорогих швейцарских часов – слаженно, четко и точно. Интересно, удастся ли и ее ребятам когда-нибудь сработаться до такой степени, чтобы предугадывать мысли и поступки друг друга? Пока что Лера сомневалась. Вот взять, к примеру, Виктора Логинова. Он, бесспорно, умен, но слишком амбициозен, чтобы позволять женщине руководить собой. Формально Лера ему не начальница, но все-таки она – следователь, а значит, стоит выше его в «пищевой цепочке» и не может не замечать, что такое положение его тяготит. Виктор отличался от большинства коллег тягой к дорогим вещам, предпочитая иметь всего один костюм, но такой, чтобы не стыдно было надеть его в самое что ни на есть высшее общество! И машина у него дорогущая, хоть и подержанная – кредитная, разумеется, и Лера сомневалась, что в ближайшие десять-пятнадцать лет он сможет за нее расплатиться. Насколько ей известно, квартиру Логинов снимает, но никогда и никого туда не приглашает: видимо, там нечем похвастаться. Тем не менее, если оставить за скобками амбиции, сексизм и любовь пускать пыль в глаза, Виктор – неплохой человек и весьма приличный опер, поэтому Лера готова была терпеть некоторые его «заломы» – до известного предела, само собой. Леня Коневич еще слишком молод, чтобы сказать о нем что-то определенное, зато энтузиазма ему не занимать, а это – тоже достоинство, если не позволять ему перевешивать все остальные. Так что Севада, пожалуй, нравился Лере больше других: он темпераментен, но, в отличие от Виктора, редко выходит из себя, не против того, чтобы им руководила женщина, и проявляет достаточную инициативность, чтобы считаться крепким профессионалом.

– Есть новости? – поинтересовалась она у Виктора, который вальяжно расположился на стуле, словно герцог на троне.

– Кое-что, да, – напустив на себя загадочный вид, ответил тот.

Определенно, он хотел, чтобы Лера пустилась в расспросы, но она не собиралась доставлять ему удовольствие и терпеливо ждала, пока опер соизволит «разговориться».

– Оказывается, – продолжил он, недовольный ее хладнокровием, – из хаты прокурорской мамы все же кое-что пропало!

– Да ну? – удивился Севада. – Она сказала, что...

– А теперь передумала! – перебил Логинов.

– Такое случается, – заметила Лера. – С первого взгляда трудно понять, какие предметы отсутствуют, тем более что техника осталась на своих местах, а деньги и драгоценности она отдает на хранение сыну. Кроме того, пропал ее любимый питомец, и это наверняка сбило бедную женщину с толку.

– Так вот, она взяла себя в руки и составила подробный список пропавшего имущества, – продолжил Виктор. – Во-первых, кое-какие побрякушки в доме все-таки были – до визита грабителя и убийцы, естественно.

– И что же пропало?

– Так, посмотрим... парочка цепочек стоимостью тысяч по двадцать, крест золотой с эмалью – где-то тысяч тридцать, и серьги без вставок, но тяжелые, поэтому стоят около сорока тысяч.

– Девчонку убили из-за ста тысяч? – недоверчиво высказался Севада.

– И за меньшее убивают! – отмахнулся Логинов.

– Нет, он прав, – поддержала Падояна Лера. – Если бы речь шла об уличном грабеже, тогда понятно, но злодей проник в дом, а для этого он должен был рассчитывать на более тучную поживу!

– Он не *вламывался* в квартиру! – возразил Виктор. – Девушка сама его впустила, а это значит, что убийство и ограбление могли носить случайный характер.

– Что-то я сомневаюсь, – подал голос Коневич. – Это же не просто чья-то квартира, а хата матери прокурора города, помните?

– Согласна, – кивнула Лера. – Скорее всего, этот человек, или люди, знал, куда лез, а значит, ему требовалось что-то конкретное.

– Насчет количества злодеев, – прицепился к ее словам Логинов, – что говорят эксперты?

– В квартире найдено множество отпечатков пальцев, – ответила Лера. – Они сразу исключили Роговых и жертву убийства. Кое-какие следы, как выяснилось, принадлежат соседям, но имеются и такие, идентифицировать которые пока не представляется возможным – не с чем сравнить. Рогова ведет светский образ жизни, у нее полно знакомых, и многие из них посещают ее жилище. Так что работа предстоит большая! Кроме того, нельзя исключить и того, что убийца работал в перчатках или избавился от своих следов до того, как покинул место преступления.

– Так с чего же нам начать? – нетерпеливо спросил Леонид: он, словно жеребенок, уже бил копытом, полный решимости кинуться по следу бандитов, поймать их и увешать свою футболку орденами и медалями.

– С опроса соседей. Севада пробежался по этажам, но не всех удалось застать дома. Кроме того, он спрашивал лишь о том, не слышал ли кто-то звуков борьбы и не видел ли посторонних в подъезде в вечер убийства Екатерины Уткиной. Теперь мы будем интересоваться, кого видели соседи в другие дни, не было ли среди них кого-нибудь подозрительного. Кроме того, нас интересует и сама Уткина: вдруг у нее есть враги, мечтающие ее убить?

– Ты и в самом деле думаешь, что дело может быть в девчонке? – недоверчиво поднял бровь Логинов. – Лезть к мамаше прокурора, чтобы расправиться с ничем не примечательной студенткой?

– Исключать этого нельзя: сосредотачиваться лишь на одной версии неправильно.

Логинов ничего не сказал, но лицо его продолжало недвусмысленно и насмешливо говорить: ну-ну, попробуй, попробуй! Интересно, получится ли у нее когда-нибудь положить конец этому глупому соперничеству и перевести его в продуктивное русло? Немудрено, что Виктор не сработался с бывшими коллегами – характер у него уж больно неприятный.

– Итак, соседями у нас займется... Леонид, – изрекла Лера, делая пометку в своем блокноте. – Обойди и тех, с кем говорил Севада: вдруг всплывет что-то в дополнение к собранным им сведениям.

– Заметано! – отозвался молодой опер. Если бы Лера подала знак, он, несомненно, тут же сорвался бы с места и наперегонки с остальными кинулся бежать к дому маменьки прокурора. Но она еще не закончила.

– Севада обойдет все близлежащие ломбарды. Изделия, похищенные у Роговой, не представляют большой ценности – обычная заводская штамповка, но все-таки что-то может там «всплыть». Виктор, займись связями Уткиной и первым делом опроси ее однокурсников.

Физиономия Логинова снова скривилась: он понял, что Лера намеренно поручила ему «разматывать» именно ту ниточку, в целесообразности которой он сомневался.

– Ну, а ты-то что намерена делать? – спросил он.

– Работать, – спокойно ответила она. – Встречусь с Роговым, порасспрошу его подробно о том, на что могли нацелиться злодеи – вдруг он «расколется»? Затем еще раз поболтаю с его матерью: может, она расскажет что-нибудь о Екатерине и ее жизни – вряд ли она дает ключи от дома кому попало. И помните, главное – узнать, что было целью преступника, ограбление или убийство. Выясним это – раскроем дело.

* * *

Леонид обежал уже почти всех соседей Роговых, но никто не смог сообщить даже маломальски полезных сведений. Молодой опер почти отчаялся принести Валерии хоть какую-то информацию, но уходить с пустыми руками ему ох как не хотелось!

За последней дверью после его звонка сначала стояла гробовая тишина, но потом Коневич все же различил тихие шаркающие звуки внутри и позвонил еще раз, более настойчиво.

– Кто там? – раздался скрипучий голос – словно старые жернова с трудом поворачивались, перемалывая зерно.

– Следственный комитет! – громко крикнул опер, опасаясь, что пожилой человек – он не сумел разобрать, мужчина или женщина – может плохо слышать.

– Не надо орать, у меня отличный слух! – голос прозвучал сердито, однако дверь приоткрылась. – Документы имеются?

Коневич раскрыл свою книжечку, и старичок, теперь это стало очевидно, внимательно изучил каждую строчку, после чего впустил, наконец, незваного гостя.

– Катка-то? А как же, видел, и не раз!

Они устроились на маленькой уютной кухоньке. Хозяина квартиры звали Богданом Семеновичем Нестеренко, и, похоже, жил он здесь один. Однако кухня не походила на чисто мужскую, здесь явно просматривалась женская рука.

– Чего смотришь-то? – подозрительно поинтересовался Богдан Семенович.

– Да вот, гляжу, не похожа ваша кухня на холостяцкую, – помявшись, честно ответил Леонид.

– Тоже мне, специалист по семейным отношениям! – криво усмехнулся старик. – Кто тебе сказал, что я холостяк? Вдовец я, понимаешь... Жена моя, Татьяна, все здесь на свой вкус обустроила, когда мы квартиру получили – после двадцати лет в коммуналке! Видишь вон те картинки?

Леонид еще при входе заметил несколько красивых картин из соломки, висевших над обеденным столом. На каждой из них были изображены птицы – журавли, лебеди и фламинго. Человек, который их сделал, определенно обладал большим мастерством и любовью к этим божьим тварям: каждая деталь, даже самая мелкая, была подмечена и умело воссоздана.

– Это все моя Татьяна, – глаза Нестеренко стали печальными. – Она увлекалась рукоделием – и шила, и вязала, но особенно любила вышивать и мастерить картины из соломки, даже специально на курсы ходила. Я искал для нее красивые фотографии в журналах, а она их копировала. Особенно птиц любила – не знаю, почему.

Коневич сглотнул, чувствуя, что невольно растревожил кровоточащую рану, и не зная, как дальше себя вести, ведь он пришел сюда с определенной, очень четкой целью.

– Да ладно, не бери в голову! – словно поняв, о чем думает парень, махнул рукой старик. – Татьяна-то моя уж лет десять как того... Ты о Катке спрашивал, верно?

– Да! – обрадовался Леонид. – Вы ее хорошо знали?

– Да какой хорошо – едва-едва. Вот Инну Георгиевну, ту отлично знаю: мы в этот дом почти одновременно въехали, с разницей в несколько месяцев. Интеллигентная женщина,

ничего не скажешь – не чета нам, лапотникам! Но она этим не кичится, приветливая, всегда поздоровается. С Татьяной моей они даже, бывало, в гости друг к другу ходили.

– Но вы же сказали, что...

– Сказал, что встречал Катьку, это правда. Когда впервые увидел, как она из квартиры Георгиевны выходит, решил, что она воровка или мошенница какая – сразу хозяйке позвонил, а она рассмеялась и сказала, что это Катерина, и что она будет заходить, чтобы полить цветы, пыль там протереть и покормить Леопольда. Леопольд – это кот Георгиевны. Да что там, кот – такой зверь громадный, аж страшно! И с характером: кого знает – только руку протяни, он сразу на спину валится и пузо подставляет – почеси, значит, а если кто чужой или плохой человек, может и без глаз остаться, если рискнет к нему приблизиться!

– Так вам нечего рассказать о жер... о Катерине, то есть? – расстроился Леонид.

– Кто сказал, что нечего? Вроде неплохая девка была – жаль, что такое с ней... Но давеча я видел, как она с каким-то парнем ругалась у мусоропровода.

– Что за парень? – встрепнулся опер: впервые за время топтания по лестницам у него появилась надежда.

– Да ничего особенного – хлипкий такой, лет тридцати. Рыжеватый, длинноносый, глаза близко посажены, как у филина.

– Настоящий красавец! – пробормотал Коневич.

– Ага, точно! И на предплечье у него татуировка – то ли дельфин, то ли русалка, непонятно.

– Вы уверены?

– У меня проблемы с ногами, парень, а не с глазами! – нахмурился Нестеренко. – Я в охране режимного предприятия сорок лет оттрубил!

– Ну да, с таким послужным списком... теперь понимаю! – виновато забормотал оперативник.

– То-то же!

– А с чего вы взяли, что они ругались? Может, просто...

– Да нет, – снова перебил старик, – точно ругались они!

– А из-за чего?

– Ну, этого, извини, я тебе сказать не могу – не расслышал: хоть они и на нервах общались, но о чем, не разберешь, только Катька парня-то все время урезонить пыталась: тише, говорила, тише, а то, мол, соседи слышат... А я как раз собрался мусор выкинуть и под дверью стоял. Потом решил все-таки пойти – вдруг, значит, услышу что интересное, да только они сразу замолчали при виде меня. А потом Катька и вовсе парня вытолкала к лифту. Он не хотел уходить, сказал: «Пожалеешь, да поздно будет!» или что-то вроде того... А еще, кажись: «Он и тебя кинет, вот увидишь!»

– Ага... выходит, он ей угрожал?

– Ну, похоже, что так.

– А как вам показалось, Богдан Семенович, Катерина боялась его?

– Да нет, не боялась, по-моему... Он же хлюпик – чего его бояться: Катька его легко в лифт запихнула!

– И больше вы этого типа здесь не видели?

Старик покачал головой.

– Если б увидел, – добавил он, – обязательно рассказал бы Георгиевне: пусть, значит, понимает, с кем дело имеет!

– А еще кто-то к ней приходил? – поинтересовался Коневич.

– Больше никого не видел. А что, думаешь, тот мужик ее и... того, да?

– Все может быть. Сможете с нашим художником поработать?

* * *

Ну почему эта следачка всегда тянет одеяло на себя? Подумаешь, у нее есть юридическое образование – почему она не стала адвокатом или судьей? Нечего бабам делать в следствии, среди мужиков! Ну ладно, Суркова, ее еще можно терпеть: в конце концов, она сумела дослужиться до такой высокой должности, до которой ему, Виктору, как до луны... Другой вопрос – как ей это удалось! Ходят упорные слухи, что ее теплые отношения с Кириенко носят не только платонический характер, и Логинов тоже почти в этом не сомневается: как все бабы, она пользуется своими женскими чарами и делает карьеру «через постель»! Но Валерия – другое дело. Виктор с трудом мог представить ее в подобной ситуации, ведь она резкая, как северный ветер, жесткая, как наждачная бумага, и прямая, как линейка – абсолютно не склонный к компромиссам человек! И все же что-то в ней есть – нечто особенное, волнующее, заставляющее опера желать раскусить ее, разобраться, что же она на самом деле за личность. Конечно, будь она страшна, как атомная война, вряд ли у него возникло бы подобное желание, но она, как назло, чертовски хорошенькая штучка: не будь они коллегами, Виктор обязательно затащил бы ее в койку... Жаль, что этого никогда не произойдет.

Виктор ненавидел общаться с молодежью, а Валерия, будто специально, отправила его заниматься именно этим. Он считал школьников и студентов дебилами, которых не интересует ничего, кроме «вписок», дурацких флэшмобов и компьютерных игр, но основной причиной его неприятия этого поколения являлось то, что он в свои тридцать четыре чувствовал себя древним старцем в их обществе – ужасное ощущение!

– Катюха была классной, – со вздохом сказала Ника Жданова, подруга жертвы, как удалось выяснить Логинову после опроса довольно большого количества «недоумков», не вызывающих у него иных эмоций, кроме раздражения. И эти люди называют себя студентами, и не какого-нибудь там заштатного сельскохозяйственного вуза, а юридического факультета государственного университета Северной столицы, где училась убитая!

– Неужели? – саркастически изогнул бровь Логинов: он понимал, что требуется расположить к себе эту девицу в мешковатых джинсах и толстовке на три размера больше, чем требовалось, однако он ничего не мог с собой поделать: неприязнь так и сочилась у него из всех отверстий. – И чем же она была столь... замечательна?

– Ну, она любила тусить, ее всегда можно было подорвать на любой кипиш, – пояснила Ника, не замечая настроения собеседника. Еще одна «молодежная» черта, с удовольствием подметил про себя Виктор – эмоциональная черствость и глубокая сосредоточенность на себе, что не позволяет юным созданиям уловить изменения в настроении других людей и, как следствие, наладить продуктивное общение. Но, как назло, Логинову требовалось вовлечь студентку в диалог и добиться от нее хоть какой-нибудь полезной информации.

– А что она за человек была, Катя? – спросил он, мысленно сжав зубы и приготовившись к двадцати минутам ничего не значащего щебетания.

– Человек? – переспросила Ника, и Виктор задался вопросом: она не знает значения этого слова или не обладает достаточным словарным запасом, чтобы описать подружку?

– Что она любила, с кем общалась, – терпеливо принялся объяснять он. – Были ли у нее враги или хотя бы недоброжелатели?

– Ну, она любила...тусовки, – пожала плечами студентка. – Учиться ей не очень нравилось. Понимаете, она ведь приехала из Тихвина – вы бы видели, какая это дыра!

– Ты там бывала? – поинтересовался Логинов.

– Ну да, один раз, с Катькой... Да и одного раза для этого городишки много – там же ничего нет, никаких развлечений, одни монастыри да какой-то парк занюханный! Ни тебе

дискотек, ни интернет-клубов, ни нормальных кафе... Скуотища! Она и сама туда почти не ездила и даже звонила редко – о чем ей с родичами-то разговаривать?

– И что ты хочешь сказать тем, что Катя приехала из такого скучного места?

– Да то, что она ни за что не хотела туда возвращаться, ни под каким соусом! – воскликнула девица, глядя на опера, как на существо низшего порядка с интеллектом слишком ограниченным, чтобы постичь мотивы «продвинутой» молодежи. – Катя во что бы то ни стало мечтала зацепиться в Питере!

– И как же она планировала это сделать?

– Ну, есть только два способа: найти крутую работу или мужика, – передернула плечами Ника.

Наконец-то он хоть немного продвинулся!

– И что, – спросил Логинов, – нашла она работу?

– Да нет, как-то не складывалось... Катюха подрабатывала в интернете, и вполне успешно, между прочим!

– Это как?

Интересно! Секс по телефону или продажа курительных смесей?

– Она здорово работала с кожей.

– Татуировки, что ли, набивала? – не понял Логинов.

– Да нет, вот с такой кожей, – сказала Ника, сунув Виктору под нос свое запястье. На нем красовался плетеный черный браслет, на котором, уже из красной кожи, была сделана довольно искусная аппликация в виде дракона. Вместо глаз были вставлены маленькие желтые стразы.

– Это она сама смастерила? – уточнил оперативник.

– Ну да, сама, – кивнула студентка. – Я всегда говорила, что у нее талант, и она могла бы зарабатывать больше, если бы захотела, но для этого нужен хотя бы собственный сайт, или на маркете выложиться, а Катюха только в соцсетях себя рекламировала – там больших денег не сделаешь! Да и у станка стоять с утра до вечера ей не хотелось.

– И что, хорошо покупали ее подделки?

– Те, что подешевле, хорошо. Катюха ведь могла и сумки делать, и куртки, но лучше всего продавались вот такие браслеты, ожерелья и ошейники.

– Ошейники?

– Для собак и кошек. Это недорого и стильно, и Катюха могла сделать любую картинку – к примеру, по фотографии питомца или какую-нибудь надпись сварганить из кожи или даже из стразов. Она все мечтала купить специальную швейную машинку для кожи.

– И такие есть? – удивился Логинов: не то чтобы он интересовался шитьем, но ему казалось, что все швейные машинки одинаковы.

– Есть, – подтвердила Ника, – и они очень дорогие: Катюха говорила, что не меньше тридцатки нужно, если хорошую покупать!

– В смысле, тридцать тысяч?

– Ну да, или даже больше – смотря какое качество!

– И что, купила?

– Купила, только заказов больших не было... А теперь уж и не будет! – печально закончила студентка и уткнулась в свою чашку с почти остывшим капучино.

– Ты сказала, что есть два способа вырваться из провинции: работа или мужчина, – напомнил Логинов. – Выходит, Катя выбрала первый?

– Кто сказал?

– Ну, кожа и все такое...

– Ну, сколько бы она ни трудилась, а по-настоящему больших бабок так не срубишь! У нее вообще-то был любовник – он, кстати, и денег на швейную машинку подкинул.

– И кто?

– Понятия не имею!
– То есть он не студент?
– Нет, я бы знала! Какой-то старый мужик, я так думаю, и женатый.
– С чего ты взяла? – спросил Виктор, чувствуя, что наклеывается что-то стоящее и нужно продолжать «раскручивать» девчонку, чтобы выудить из нее все, что ей известно.
– Иначе бы она не пряталась с ним по углам.
– А они прятались?
– Ну да! Он даже ни разу за ней в универ не заехал, вот я и предположила, что он, скорее всего, женат и не хочет, чтобы их видели вместе.
– Катя хотела за него замуж?
– Думаю, да, – после недолгой паузы кивнула Ника. – Она его долго «окучивала» и, как мне кажется, надеялась на дивиденды.

Виктора буквально потрясло, что его собеседница выговорила такое сложное слово.

– Она говорила об этом?
– Нет. Каждый раз, когда я пыталась ее разговорить, она уходила от ответа – тоже мне, конспираторша!

Еще одно трудновыговариваемое слово – может, девчонка вовсе не так тупа, как он предполагал?

– Есть мысли, почему Катерина не хотела говорить на эту тему?
– Может, любовник ей запретил? Он давал ей денег каждый месяц – это я точно знаю.
– Откуда?
– Ну, она приделась немного, а то раньше все в секонд-хенде шмотье покупала – как ни стирай его, все равно воняет бабушкиным шкафом!
– Так он богат?
– Вряд ли.
– Почему нет?
– Ну, будь он богат, хату бы ей снял, машинку купил и все в таком роде. Бабок отстегивал, но не айс – на одежду кое-какую и еду хватало, не более! Правда, в последние несколько дней что-то изменилось.

– Неужели?
– Катюха ходила довольная, как будто в лотерею выиграла... Кто ж знал, что с ней такое случится!

– В лотерею, говоришь?
– Загадочная такая вся стала, а как-то раз я застукала ее за чтением туристической брошюры – не поверите, какой?
– Ну?
– Про достопримечательности Ташкента. Я загуглила – это в Узбекистане!
– Думаешь, ее любовник оттуда родом?
– Может, и так – иначе зачем ей Ташкент? Если они планировали в путешествие отправиться, то выбрали бы какое-нибудь приличное место – ну, Эмираты там или Мальдивы... Турцию, наконец!

Вот дуреха: Узбекистан, по ее мнению, такая же «дыра», как и Тихвин? Ей представляется, что там и посмотреть-то нечего... Господи, чему только в этих университетах учат! Вот он, Виктор Логинов, университетов не оканчивал, но знает, что Ташкент – древний город, полный как старинных зданий, так и современных построек, и там определенно есть чему удивиться. Правда, сам Виктор ни разу там не бывал – да что там, он дальше области не выезжал! – однако, может, когда-нибудь...

– Ты знаешь, как Катя получила работу в доме Рогова? – сменил он тему.

– Не-а... Кстати, его дочка у нас учится, Танька, в другой группе. Катюха страшно радовалась, что получила это место. Во-первых, хата часто свободна, так как старуха Рогова постоянно в разъездах, а почти что свое жилье – это вам не общага! Кроме того, деньги какие-никакие платили, а работа не пыльная – коту покормить да цветочки полить, и старуха не возражала, чтобы на время ее отсутствия Катюха туда перебиралась... Разве мог кто подумать, что в этой проклятой хате ее и грохнут?!

* * *

Севада с Леонидом встретились в кафе на Васильевском острове. Они любили эту забегаловку, потому что, во-первых, кормили здесь вкусно, а во-вторых, что немаловажно, сравнительно недорого. Меню не отличалось разнообразием, зато порции достойные, да и опера не особо любила разносолы, предпочитая сытную еду изысканной. А еще здесь самообслуживание – значит, не нужно тратить время на ожидание заказа, что тоже является большим плюсом. Набрав полные подносы провизии, опера уселись у окошка, выходящего на улицу, по которой деловито сновали пешеходы. Чуть поодаль катился по дороге транспорт. Леонид любил наблюдать за незнакомыми людьми, представляя себе, какой может быть их жизнь. Заинтересовать его мог далеко не каждый, а только тот, кто чем-то выделялся из толпы: необычной одеждой, выражением лица или поведением. Он с детства зачитывался рассказами о Шерлоке Холмсе и пытался практиковать его метод дедукции, придумывая жизнь для тех, за кем наблюдал – эх, жаль только, что проверить правильность его догадок не представлялось возможным, ведь незнакомцы лишь на несколько мгновений появлялись перед ним, проходя мимо и исчезая в толпе!

– Эй, ты здесь? – окликнул парня Севада, заметив, что Леонид неотрывно пялится в окно вместо того, чтобы есть аппетитное пюре с котлетой, запивая его знакомым с детства компотом из сухофруктов.

– Да-да, – возвращаясь к реальности, отозвался коллега. – Как дела в ломбардах?

– Да никак! – отмахнулся Падоян. – В последнее время много всякого барахла сдавали, но то, что украли у старухи Роговой, ничем особенным не отличается – так, обычные побрякушки, штамповка! Правда, остается еще надежда на крест с эмалью: не бог весть какая драгоценность, но все же выделяется из общей кучи – может, повезет в других местах? Ну, а у тебя какие новости?

– Похоже, у убиенной были проблемы личного характера, – ответил Коневич, принимаясь, наконец, за еду.

– С кем?

– Сосед описал того перца, я отвез его к нашему художнику – пробуют сляпать портрет. У него татуха заметная: вполне может стать, парень из наших «клиентов», а тогда он есть в базе!

– Ты действительно думаешь, что дело в девушке, а не в прокуроре?

– Это же просто версия... Но ты прав, я думаю, дело в Рогове! Только вот почему влезли к его мамаше, а не к нему?

– Ты его квартиру видел?

– Нет...

– А я вот посмотрел адресок в интернете: кондоминиум в районе Крестовского острова, с консьержной службой, видеонаблюдением и так далее – зубы обломаешь!

– Ну, кому надо, тот сумеет, – резонно заметил Леонид.

– Да, только узнать бы, что надо и кому! Смотри, если целью была Катерина, то почему бы не убить ее в общаге?

– Слишком много свидетелей.

– Уверен, там есть места, куда редко заходят. Или, допустим, почему не на улице, в каком-нибудь безлюдном закутке? Зачем лезть к тому, из-за кого весь город возбудится?!

– Улики показывают, что жертва сама впустила злодея – значит, возможно, он и не соби-
рался ее убивать, просто так вышло?

– А потом хладнокровно обшарил квартиру, вытряхнул ящики и перевернул мебель?

– Совместил, так сказать, приятное с полезным...

– Нет, что-то тут не сходится! Рогов этот мутный какой-то, не находишь?

– Ты это потому говоришь, что он телезвезда?

– Тоже мне, Иннокентий Смоктуновский! – скривился Севада. – Помяни мое слово, он что-то скрывает: наверняка ведь знает, зараза, что у него искали, но не «колется»!

– Ну, ладно: Медведица с ним поговорит и, может...

– Кто поговорит?

– А ты не слышал, как Дед Валерию прозвал?

– Что реально – Медведицей?

– Ага, прикинь!

– А что, звучит... гордо! Главное – при ней не болтануть.

И оба опера молча заработали челюстями.

* * *

Глядя, как хозяйка, облаченная в шикарный японский халат с журавлями на фоне восходящего солнца, хлопочет над заварочным чайником, Лера пришла к выводу, что ее первое впечатление о Роговой было не совсем правильным. Она сразу решила, что мать прокурора города – вздорная старуха, любящая командовать и истерить. Однако она не учла того факта, что пожилая и, как следствие, не вполне здоровая женщина находилась в шоке: во-первых, ей только что сообщили о взломе квартиры, во-вторых, прибыв на место, она узнала, что погибла девушка, которая присматривала за домом. И, наконец, куда-то запропастился ее любимец, Леопольд, – разве этого не достаточно, чтобы выйти из берегов?! Мама обязательно попеняла бы Лере на то, что она слишком быстро судит о людях, составляя свое мнение о них лишь по первому впечатлению. Лера и сама знала об этом своем недостатке и честно пыталась с ним бороться, но, по-видимому, пока – тщетно!

– Вы нашли кота? – поинтересовалась она, пока Рогова разливала чай в белые чашки из тончайшего костяного фарфора и водружала на стол блюдо с крошечными пирожными.

– Какое там! – расстроено махнула рукой мать прокурора, усаживаясь напротив Леры.

Глаза ее неожиданно наполнились слезами, и гостья пожалела, что завела этот разговор: не хватало еще, чтобы Рогова разнервничалась, и ей потребовалась медицинская помощь! Однако ничего подобного не произошло: Инна Георгиевна лишь тихо всхлипнула и промокнула глаза шелковым платочком.

– Пропал мой Лео! – вздохнула она с дрожью в голосе. – Навсегда пропал!

– Ну не надо так, – попыталась успокоить ее Лера. – Почему же сразу пропал – может, он в подвал убежал, от испуга, ведь в доме побывал убийца, а потом набежало столько народу – немудрено, что он рванул прочь!

– Нет его в подвале, – вздохнула Рогова. – Я нашего дворника Ахмета попросила проверить, он спустился в подвал и все там обшарил – нет моего Леопольда!

– Ну, он же не все время в подвале сидит, – не сдавалась Лера. – Может, отправился на поиски еды...

– Что вы, Лео ест только специальный корм, диетический, он и не притронется ко всякой уличной гадости!

Лера не стала говорить опечаленной хозяйке кота, что голод не тетка, и, когда сводит желудок, слопаешь, что предлагают, не выбирая, что диетическое, а что нет. Да и она, в конце концов, не судьбу кота пришла обсуждать, хоть, видит бог, Лера любит животных!

– Инна Георгиевна, скажите, ваш сын хранит дома какие-то документы? – спросила она, переводя разговор в нужное ей русло.

– Документы? – озадаченно переспросила Рогова. – Ну, свидетельство о рождении, документы на квартиру и загородный дом...

– Я имела в виду бумаги иного рода, – аккуратно прервала ее Лера. – Рабочие, понимаете?

– Нет, что вы! Во-первых, такие документы выносить запрещено, а уж тем более – дома хранить; а потом, зачем бы Киту хранить их здесь, ведь он тут появляется крайне редко – его семья живет в основном за городом. Есть еще и городская квартира, но ее сын использует как рабочий кабинет. Там есть сейф, и, если уж так необходимо, он может держать бумаги в нем. А почему вы, собственно, спрашиваете?

– У нас есть версия, что в вашу квартиру могли влезть с целью похищения каких-то важных материалов по одному из дел, которые находятся в его ведении.

– Это исключено! – уверенно заявила Рогова.

– Но ваш сын сам сказал, что зашел к вам за документами...

– Значит, это какие-то домашние бумаги, не имеющие отношения к его работе, – не позволила Лере закончить хозяйка квартиры. – Но я могу заверить вас, что ничто из них не пропало, все на месте, я проверила! Так что, Лерочка... можно мне вас так называть?

Лера растерянно кивнула.

– Так что, поверьте мне, этот след – ложный!

– Тогда, как по-вашему, для чего бандит проник в вашу квартиру?

Рогова помолчала с полминуты.

– Знаете, – произнесла она, наконец, – я и сама все размышляю над этим...

– И к какому выводу вы пришли?

– Мы с Китом это очень подробно обсуждали: вряд ли вор мог позариться на те немногочисленные и довольно дешевые побрякушки, что я хранила в шкатулке.

– Мы тоже так считаем.

– Тогда остается только два варианта. Первый: вор знал, кем был мой покойный муж, и рассчитывал обнаружить у меня дорогие украшения и другие вещи, которые легко унести с собой. Он не предполагал, что на время своего отсутствия я отдаю ценности на хранение!

Это предположение звучало вполне резонно, и Лера не стала возражать, только спросила:

– А что насчет второго варианта?

– Извольте: это был случайный человек – к примеру, доставщик пиццы, электрик или кто-то еще. Катя открыла ему дверь, он увидел обстановку и решил, что может пожить, так как она одна и вряд ли окажет серьезное сопротивление.

– А как вы объясните то, что Катя впустила доставщика пиццы в гостиную? – решила использовать свой главный аргумент Лера.

– Ну-у, – протянула Рогова, перебарывая ее слова, – значит, это был не доставщик, а какой-нибудь коммунальщик...

– Мы проверили: никто в подъезде не вызывал мастера, – парировала Лера. – Сама Катерина тоже вряд ли вызвала бы кого-то, ведь в квартире все в рабочем состоянии, верно?

Рогова медленно кивнула.

– Кроме того, информация обо всех вызовах ремонтников имеется в диспетчерской, и грабить дом вряд ли представляется делом рациональным: одно дело потихоньку стибрить деньги с комода, если их там оставили беспечные хозяева, и совсем другое – выпотрошить шкафы и перевернуть мебель, да еще и убив при этом человека!

– Да, пожалуй, вы правы, – нехотя согласилась мать прокурора. – Тогда остается только первая версия. Думаю, грабитель имел основания полагать, что найдет здесь настоящий Клондайк, вы согласны?

– А версию, что убить хотели именно Катерину, вы вообще не рассматриваете? – осторожно поинтересовалась Лера.

– Да бог с вами, за что?! – всплеснула руками пожилая дама. Лера обратила внимание, что ее руки, хоть и покрытые пигментными пятнами, все еще красивы, и Рогова не пренебрегала маникюром – неброским, но явно сделанным отличным мастером. – Катюша же была студенткой, кому она могла встать поперек дороги? А брать у нее было совершенно нечего, она ведь из провинции, семья кое-как перебивается, так что... Нет-нет, это я даже обсуждать не хочу! Да и кто знал-то, что она присматривает за квартирой в мое отсутствие?! Скорее, наоборот – ожидалось, что здесь пусто, и вор спокойно обшарит все углы, не боясь, что хозяева неожиданно вернутся... Бедная девочка, как же ей не повезло... а ведь она так радовалась, что можно хоть на время вырваться из тесноты общежития и побыть самой себе хозяйкой, пусть и в чужом доме!

На некоторое время в помещении повисло молчание.

– Лерочка, могу я вас попросить об одолжении? – наконец, снова заговорила Рогова.

– Конечно, Инна Георгиевна, что я могу для вас сделать?

– Отыщите Леопольда, а? Он же залюбленный, зацелованный домашний котик – пропадет он на улице! Там повсюду машины, дикие подвальные коты и злые люди!

Да, подумала Лера, люди действительно злые... И не только по отношению к животным.

* * *

На первый доклад к Сурковой Лера шла, как обычно, без особого энтузиазма: понятно, что через одни сутки ждать больших подвижек не приходится, однако ей все же хотелось представить начальнице более существенные новости, нежели те, что имелись в ее распоряжении. Но выхода не было, и приходилось смириться с неизбежным. Суркова выглядела немного уставшей, но она улыбнулась, приветствуя вошедшую, и пригласила сесть. Отчет занял не более пяти минут, и последнюю новость Лера приберегла напоследок.

– Выяснилось одно обстоятельство: вскрытие жертвы показало, что она была беременна!

– Вот как! – встrepенулась Суркова.

– На третьем месяце, если точно, – подтвердила Лера.

– Ну, так это заставляет нас взглянуть на дело под другим углом!

– Вы об отце ребенка?

– Разумеется! Вы с самого начала сосредоточились на том, что кому-то что-то было нужно именно от прокурора в силу его рода деятельности. А что, если все просто до банальности – папаше не нужен ребенок от бедной студентки?

– Логинов опросил ближний круг жертвы, как я уже говорила, и по словам ее лучшей подруги парень девушки, скорее всего, женат.

– Ну вот! – воскликнула Суркова, но тут же добавила: – Только не заикливайтесь на одной версии, рассмотрите все возможные, хорошо?

– Само собой, – кивнула Лера. – Меня кое-что смущает...

– Что же? – заинтересовалась Суркова.

– Если убийца – приятель жертвы, зачем ему перерывать весь дом? Сделал дело – и беги, казалось бы!

– С одной стороны, да, но мы не принимаем во внимание характер личности убийцы: вдруг он решил, что, раз уж все равно замарал руки кровью, то почему бы не пожить в богатой хате? Он не знал о предусмотрительности Роговой и рассчитывал на приличный куш!

– Но это говорит о том, что он действовал совершенно хладнокровно!

– Верно! Судя по показаниям соседа потерпевшей, насколько я помню, жертва незадолго до гибели ссорилась с каким-то татуированным парнем. Принимая во внимание эту его особенность, разве не может быть так, что он уже сидел, а потому имеет определенный опыт – возможно, даже убийства?

Лера согласно кивнула, но потом сказала:

– Этот любовник Катерины, по словам ее подружки, давал ей деньги. Не так много, как той хотелось бы, но на кое-какие излишества все же хватало. Как-то это не вяжется с обыском и ограблением!

– А одно другому не мешает – если этот человек, конечно, не миллионер, для которого деньги ничего не значат. Но вы сами говорите, что он снабжал убитую деньгами не так уж и щедро, так что, можно предположить, что для него ее финансирование было обременительным. И тут она сообщает, что ждет ребенка, – продолжала рассуждать Суркова. Она даже встала из своего удобного кресла и принялась прохаживаться по кабинету туда-сюда, словно так ей лучше думалось. – Это совсем некстати, ведь рождение младенца означает дополнительные денежные вливания. Кроме того, если он и впрямь женат, то любовница-мать становится куда большей угрозой, нежели бездетная подруга! Что, если девушка отказалась избавляться от нежелательной беременности, и любовник убил ее, а по пути решил «обнести» богатую квартиру!

– Только вот ему не «обломилось», так как Рогова не хранит ценности дома, – подхватила Лера. – Поэтому он взял, что нашел, и сделал ноги!

– Неплохая версия, – усмехнулась Суркова.

– Но мне не дает покоя кое-что еще, – тут же сказала Лера. – Когда я спросила Рогова, зачем он пришел в квартиру матери в ее отсутствие, он сказал, что ему срочно понадобились какие-то документы. Тогда я не стала уточнять, что это за бумаги, но сегодня пообщалась с потерпевшей, и она заверила меня, что никаких рабочих документов сын в ее доме не хранит. Я, конечно же, еще поговорю с Роговым...

– Поговорите, – согласилась Суркова, – но мне показалось, что вы что-то еще имели в виду, когда сказали про Рогова, я права?

– Честно говоря, да... – нерешительно проговорила Лера и запнулась.

– Говорите, – подбодрила ее Суркова, – мы ведь здесь одни, только вы и я!

– Хорошо, Алла Гурьевна, только между нами. Видите ли, сдается мне, Рогов что-то недоговаривает!

– И с чем, вы думаете, это связано? – заинтересовалась собеседница.

– Даже не знаю, но мне кажется, он что-то скрывает. Может, это из-за того, что он не имеет права брать рабочие документы домой?

– А он, вы полагаете, взял? Но тогда – почему именно квартира матери? Разве она не сказала вам, что у него есть и дом за городом, и квартира в Питере, которую он использует в качестве рабочего кабинета?

– Я это помню, и все-таки...

– Вы не верите в его «отмазку», я права? – догадалась Суркова. – Думаете, он приходил именно к Катерине?

Лера покраснела – неужели все так очевидно?!

– Простая логика, – пожала плечами Суркова. – Наверняка вы даже допускаете, что Рогов – отец ребенка?

Лера опустила глаза: делать такое предположение было слишком смело, но Суркова ее «раскусила» на раз-два!

– Его дочь учится на том же факультете, но в другой группе, – пробормотала она. – Я подумала...

– Вы подумали, что они могли познакомиться через нее, – понимающе кивнула Суркова. – И что Рогов может быть тем самым женатым любовником, о котором упоминала подруга жертвы.

– Точно... – нехотя призналась Лера.

– Не исключаю такой возможности.

– Правда?

– Рогов – мужчина в расцвете сил, а погибшая – молодая, привлекательная девушка, только вот у нас нет ни малейших оснований выдвигать против него обвинения. Давайте поразмыслим. Начнем с того, что отношения Рогова и жертвы не доказаны: вы сами говорите, что друзья убитой никогда не видели ее с ним вместе. Если хотите получить ордер на сравнение ДНК плода и прокурора, докажите хотя бы их сексуальную связь.

Лера и сама понимала, что это необходимо сделать, но начальница ясно дала понять, что иного выхода не существует. Кроме того, Логинов упоминал о Ташкенте. Может, это и ложный след, но вдруг любовник убитой вправду родом оттуда, и Катерина планировала поездку?

– А теперь об убийстве, – продолжила Суркова. – Неужели вы всерьез полагаете, что Рогов убил бы любовницу в квартире матери?!

– Да, звучит...

– Неправдоподобно! – закончила за Леру начальница.

– А как насчет убийства в состоянии аффекта? – решила так легко не сдаваться Лера. – Помните, как убили Уткину?

– Разумеется – ее задушили. Я допускаю, что это мог сделать прокурор, если мы предположим, что их любовная связь доказана, но зачем ему устраивать такой бардак в квартире собственной матери?!

– Инсценировка? – предположила Лера. – Надо же свалить вину на кого-то другого – скажем, на неизвестного грабителя, который, явившись в шикарную квартиру, не ожидал застать там свидетеля своего преступления, а потому избавился от нее! А еще, возможно, Рогов искал какие-то доказательства того, что они с Уткиной встречались, чтобы их уничтожить.

– Если такие свидетельства и были, – задумчиво проговорила Суркова, – вряд ли жертва стала бы хранить их в чужом доме... Да и Рогов ведь не скрывался, помните?

– И что он делает, обнаружив труп в квартире мамы?

– Звонит Кириенко.

– Вот именно – не в полицию, а сразу Деду!

– Ну, это-то как раз вполне объяснимо: если бы мы с вами угодили в такой переплет, разве нам не хотелось бы, чтобы в деле разбирался кто-то знакомый и заранее непредвзятый? Не забывайте, Рогов ведь мог закрыть за собой дверь и уйти, сделав вид, что вообще не являлся, и мы могли не найти свидетелей того, что на самом деле он посещал квартиру матери!

– Алла Гурьевна, вы же сами знаете, что тот, кто первым сообщает о преступлении...

– ...зачастую и есть преступник – да, конечно, я в курсе этого сомнительного постулата, много раз опровергнутого, между прочим, особенно, если речь не идет о больном маньяке!

– Значит, вы считаете, что подозревать прокурора бессмысленно?

– Я этого не говорю, но не забывайте один немаловажный факт, который уже имеется в вашем арсенале.

– Какой?

– У вас *есть* свидетельство того, что жертва ругалась с татуированным парнем, и *нет* никаких доказательств интрижки между ней и Роговым... По крайней мере, пока. Докажите его связь с жертвой – тогда поговорим. Между прочим, если таковая и была, и если даже окажется, что Рогов – папаша нерожденного ребенка, это еще не говорит о том, что он и есть убийца! А сейчас я хочу побеседовать с вами о другом деле.

– О каком – другом?

– Вы ведь знакомы с Эдуардом Вагнером?

Меньше всего Лера ожидала услышать это имя. Однако ей вспомнился вовсе не Эдуард, а совсем другой Вагнер – единственный, кто на самом деле по праву носил эту фамилию¹. Роман Вагнер формально считался братом Эдуарда по отцу, хотя, как выяснилось в ходе расследования того запутанного дела, на самом деле был ему чужим: мать Эдуарда родила его не от мужа. Лера не видела ни одного из Вагнеров с тех пор, как давала показания на суде над Эльзой Вагнер, и ничего о них не слышала. Впрочем, неудивительно, ведь их бизнес не терпит широкой огласки!

– Да, Алла Гурьевна, конечно, – ответила Лера на вопрос начальницы. – А что такое?

– Вы удивитесь, Лера, но Эдуард Вагнер, похоже, связан с одним делом, которое веду я!

– Неужели? – и впрямь удивилась та: как часто, на самом деле, один и тот же человек повторно попадает в поле зрения органов следствия – ну, если, разумеется, он не маньяк – с этими ребятами такой расклад как раз дело обычное! – Что он натворил?

– Я даже не уверена, что Эдуард Вагнер как-то причастен – это еще предстоит выяснить.

– А что за дело вы ведете? – полюбопытствовала Лера.

Девушку всегда интересовало то, чем занимается Суркова, ведь той поручали самые сложные случаи, частенько связанные с громкими именами.

– Убит и ограблен довольно известный в городе ювелир, Зиновий Фельдман, не слышали?

– Н-нет, честно говоря, – пробормотала Лера, пытаясь припомнить, не видела ли что-то об этом в новостях по телевизору. – Что украли?

– Бриллианты. Очень дорогие, привезенные из Индии.

– Что-то еще взяли?

– Так, мелочь всякую. И деньги. Те бриллианты – самое дорогое из похищенного. Я пришла к выводу, что преступник знал, что они будут находиться у ювелира дома, ведь обычно он хранил такие вещи в банковской ячейке или в мастерской.

– Да, похоже на то, – согласилась Лера. – Так при чем же здесь Эдуард Вагнер?

– Мы с коллегами опросили подмастерьев Фельдмана, и они, боясь, что подозрение в первую очередь падет на них...

– Что совершенно разумно при данных обстоятельствах! – вставила Лера.

– Верно, – кивнула Суркова. – Так вот, эти парни, их двое, рассказали, что у Фельдмана незадолго до гибели случился серьезный скандал с Эдуардом Вагнером.

– Из-за чего?

– Вот и мне хотелось бы это знать! Фельдман хоть и известен в узких кругах, но он все же не чета Вагнерам, у которых есть собственное производство и обширные связи. Таких, как он, называют кустарями – он работает только на заказ. И все же, если верить словам подмастерьев жертвы, Вагнер и Фельдман повздорили.

– А они не сказали, на почве чего?

– В том-то и дело, что нет: Фельдман заперся с Вагнером в кабинете, а там отличная звукоизоляция. Они лишь помнят, что гость выскочил оттуда как ошпаренный, бросив напоследок что-то вроде: «Вы об этом сильно пожалеете!»

– Что ж, это может указывать на мотив.

– Да, но одного этого маловато, чтобы взять Вагнера в обработку. Поэтому я хотела попросить вас...

– Встретиться с Эдуардом и расспросить о ссоре?

– Нет, не с ним. Я хочу, чтобы вы навестили Романа Вагнера.

– Но зачем? – изумилась Лера. – Разве он тоже имеет к этому отношение?

---

¹ Читайте об этом в романе Ирины Градовой «Проклятие ДНК».

– Сомневаюсь, но у вас с Романом, если я ничего не путаю, установились, гм... дружеские отношения за время расследования убийства его деда?

– Ну, не то чтобы дружеские...

– В любом случае, вам пришлось с ним контактировать достаточно близко, и мне кажется, это общение можно назвать доверительным, не так ли?

О, да! Лера знала о Романе Вагнере то, что почти никому не известно, и он сам позволил ей это выяснить. С тех пор, как она получила эту странную, тревожащую и абсолютно невероятную информацию, Лере казалось, что она владеет яйцом, в котором спрятана «смерть Кошечева». Именно поэтому она не пыталась наводить справки о том, чем сейчас занимается Роман и его семейство, словно это могло запустить скрытый механизм, способный привести к катастрофе.

– В некоторой степени, пожалуй, – нехотя ответила она Сурковой. – А что?

– Насколько я припоминаю, у Романа и Эдуарда отношения так себе, верно?

– На самом деле, они почти не общаются – во всяком случае, раньше не общались. Думаю, они плохо друг друга знают и вряд ли желают познакомиться поближе.

– Вот потому-то я и хочу, чтобы вы встретились с Романом: если они друг друга недолюбливают, возможно, он расскажет вам что-то, чего не знает больше никто? Кстати, вы в курсе, что Эдуард по-прежнему руководит производством фирмы покойного Карла?

– Честно говоря, нет... Странно, я полагала, что Эдуарду не досталось ничего из наследства и, соответственно, он был уволен!

– А вот и нет! Можно сказать, он даже получил повышение, и теперь фактически занял место Карла. Невероятно – зачем Роману оставлять его в компании после всего, что случилось?!

– Да-а, непонятно...

На самом деле, у Леры была пара мыслишек на этот счет, но она не собиралась делиться ими с начальницей, как бы сильно ее ни уважала.

– Навестите Романа, – подытожила Суркова, вновь усаживаясь в кресло. – Мне кажется, с вами он будет более откровенен, нежели со мной: судя по всему, он – не самый общительный человек и ведет уединенный образ жизни, несмотря на то, что является весьма состоятельным молодым человеком. Если Роман не слишком привязан к своему так называемому «брату», можно ожидать, что он поделится с вами информацией, которая прояснит ситуацию и даст понять, стоит ли «пристегивать» Эдуарда к делу Фельдмана. Я в любом случае вызову его на беседу, но хотелось бы быть, так сказать, во всеоружии перед встречей. Так вы выполните мою просьбу, Лера?

Вопрос начальницы не предполагал отрицательного ответа.

* * *

Виктор с интересом разглядывал щуплого паренька, сидевшего напротив него за столиком в студенческой столовой. Просторное помещение было заполнено молодыми людьми и девушками, а у буфетной стойки образовалась длинная очередь. В ожидании Ильи Ступина, который, по словам подруги Кати Уткиной, являлся ее бывшим ухажером, опер изучил ассортимент блюд и пришел у выводу, что со времен его юности многое изменилось в лучшую сторону – ну если, конечно, не считать возросших многократно цен. Университетов Логинов не оканчивал, а в школе милиции в его память врезались микроскопические порции винегрета и капустного салата, желто-зеленые котлеты и жиденькое картофельное пюре. Зато стоило это все сущие копейки! Чтобы насытить здоровый организм молодого парня, приходилось покупать сразу несколько порций и соединять их в одну более или менее приемлемую. Бедный рацион отлично дополняли хлебобулочные изделия, выпекаемые местными поварами, и вкус

тех плюшек, пышных, сладких, с маком и корицей, с лимоном и клубничным джемом, Виктор тоже не мог забыть.

Глядя на Илью, безразлично ковыряющего вилкой творожную запеканку, он спрашивал себя, как столь амбициозная, судя по отзывам однокурсников, девушка, как Катя Уткина, могла крутить шашни с таким «ботаником»? Ведь ни кожи ни рожи... Немудрено, что она бросила его, как только на горизонте замаячили более заманчивые перспективы!

– Значит, вы расстались... когда, говоришь?

Логинов задал этот вопрос после того, как Илья подтвердил, что когда-то встречался с жертвой.

– Да давно уже, – как бы нехотя процедил парень. – Мы познакомились во время вступительных экзаменов... Не представляю, как она вообще прошла на юридический: конкурс-то сумасшедший, а она, ну, вы понимаете...

– Не совсем.

– Ну, Катька, она звезд с неба не хватала: ЕГЭ кое-как сдала, но баллы по истории, к примеру, у нее были очень низкие – и все же она как-то прошла!

– Думаешь, дала кому-то взятку? – заинтересовался Логинов.

– Катька-то? Да вы что, откуда у нее бабки, она же калымила, где только могла, а у ее семьи не было возможности помогать материально!

– Тогда как же она прошла – с такими-то баллами?

– Бог ее знает, она не рассказывала! Может, нашла какие-то входы-выходы, она ушлая деваха... была.

Опера не удивили горечь, звучащая в словах парня, и плохо скрываемое удовольствие, с которым он выкладывал незнакомому человеку нелицеприятные факты о бывшей.

– Из-за чего поссорились-то? – поинтересовался Логинов, просто чтобы наладить контакт: проявление интереса и сочувствия обычно действует безотказно.

– Да не ссорились мы! – махнул рукой Илья, едва не сбив со стола стакан с апельсиновым соком. – Она кинула меня, как лоха последнего, как только поняла, что на факультете полно более интересных кандидатов в женихи!

– Так уж и в женихи? – приподнял бровь Виктор: каждый из этих «женихов» мог участвовать в ограблении и убийстве, поэтому было важно все про них выяснить.

– Ну, Катька-то замуж мечтала выйти – так и говорила: «Что я, зря сюда приперлась из Тмутаракани, чтоб штаны в аудитории протирать?!»

– То есть, университет был лишь ступенькой к другой, более счастливой жизни?

– К более *красивой* жизни, да. Вы не подумайте, я ее не осуждаю... то есть, немного, наверное, да, ведь я действительно думал, что между нами что-то есть!

Илья оказался откровеннее большинства его ровесников: обычно такие вопросы легче обсуждать с девчонками, но студенту, видимо, требовалось выговориться, и тут, очень вовремя для них обоих, подвернулся Виктор.

– И на кого же Катя тебя променяла?

– На Пашку Мохова, у него папаня крутой бизнесмен. Да только вот Катьке невдомек было, что она на фиг Пашке не нужна – так, потусоваться недельку!

– Почему?

– Да потому, что деньги-то к деньгам – слыхали поговорку? Такие, как Пашка и его отец, ищут себе ровню, а не девчонку из Тихвина без гроша в кармане!

– И то верно, – согласился Логинов. Он и сам был из тех, кто «без гроша» – во всяком случае раньше. Семья не дала ему ничего хорошего и выкинула в реальную жизнь не то что без путевки – вообще без понятия о том, что делать дальше! Всем, чего он достиг, Логинов обязан только себе самому и еще одному человеку, который почему-то решил, что у парня все-таки может быть приличное будущее, поэтому он отлично понимал Уткину. Разумеется, он

не считал поиск богатого жениха правильной целью: человек должен пытаться сам добиваться всего в жизни, не полагаясь на других, ведь они могут предать или попросту не оправдать ожиданий, однако в какой-то степени, по мнению Логинова, Катя заслуживала сочувствия. Молодой девчонке тяжело в большом городе без родственников и связей, и уже то, что Уткина решилась покинуть Тихвин, чтобы выбиться в люди, заслуживало определенного уважения!

– И что, бросил ее Пашка? – задал следующий вопрос опер.

– Конечно, даже недели не протянул! – криво усмехнулся Илья: было видно, что он рад возможности рассказать случайному собеседнику о провале бывшей девушки и одновременно презирает молодого мажора, который так легко заводит и заканчивает романы. – Но Катка недолго горевала – нашла другого, потом еще одного...

Парень погрузился, и Логинов подумал, что он, возможно, испытывал сильные чувства к Уткиной, только она его крепко обидела, а он еще слишком молод, чтобы научиться скрывать эмоции.

– Что тебе известно о семье Катерины? – спросил Виктор, поняв, что по этой теме Илья вряд ли способен добавить что-то еще.

– Она не очень-то распространялась – думаю, ей было стыдно.

– Почему?

– У нее брат... ну, то ли сидит, то ли раньше сидел – я точно не знаю.

– В смысле, в тюрьме?

– Ну да. Семья многодетная – их у матери шестеро, отец инвалид... Я вообще не понимаю, зачем рожать столько детей, если ты не в состоянии их прокормить?! Катка все детство перебивалась буквально с хлеба на воду, жили в основном на пособия по инвалидности да многодетности, ведь работать полноценно отец не мог. Правда, потом вроде бабка ихняя померла, и семейство получило наследство. Катка быстро сообразила, что это – ее шанс, и потребовала у родных денег на репетиторов. Не знаю, какие там в Тихвине репетиторы, но к ЕГЭ она все-таки подготовилась.

– Во многих вузах есть квоты для детей из многодетных семей, – заметил Виктор. – Может, это тоже сыграло свою роль при поступлении?

– Сомневаюсь! – отмахнулся студент. – Вы не представляете, какой сейчас конкурс! Меня вот репетиторы три года натаскивали, и то я буквально между струями проскочил на юридический – всего один балл отделял от провала!

Виктор внезапно почувствовал, как заныло в груди: чем-то история Кати Уткиной до боли напоминала его собственную, что сближало его с жертвой убийства, а Логинов вовсе к этому не стремился. Наоборот, он изо всех сил пытался забыть время, когда находился в похожем положении, с благодарностью принимая подачки от соседей и учителей в школе, слоняясь часами по улице в дождь и мороз в ожидании позволения вернуться домой, пока вечно пьяная мать развлекала своих приятелей в их квартире. Когда-то она была другой, но потом... потом все разом перевернулось.

– Скажи-ка, – проговорил Виктор, выбрасывая из головы тяжелые мысли, – могли у Катерины остаться враги в Тихвине?

– Вы смеетесь?

– Почему же, смеюсь – мало ли, обидела она кого?

– Если и так, то мне не рассказывала, – покачал головой Илья. – Говорю же, стыдилась она своего семейства и, насколько я понимаю, не намеревалась когда-нибудь снова с ними встретиться. Она даже на каникулы и праздники в Тихвин почти не ездила, здесь торчала! Правда, пару раз она жаловалась, что мать названивает ей, требуя материальной помощи, а она и сама едва концы с концами сводила, поэтому ничем не могла подсобить родне.

– Ты сказала, она калымила везде, где удавалось. Известно тебе, где именно?

– В интернете поделки продавала – знаете, из кожи?

– Да, видел у ее однокурсниц.

– У нее хорошо получалось, но так много не заработаешь, ведь материалы тоже денег стоят, да и времени у нее было не так много, чтобы с утра до вечера безделушки на продажу варганить... Она пробовала работать официанткой в кафе, но это труд тяжелый, платят мало, да еще и мужики пристают, когда напьются! Пыталась затесаться в массовку на киносъемках, но там платили кошкины слезы. На телевидении вот неплохо удавалось заработать, да и делать ничего особенного не приходилось.

– И что же требовалось на телевидении?

– Там всякие рекламные акции проходят, и под это дело набирают людей по объявлениям. Нужно пробовать всякие йогурты, кофе и конфеты и делиться впечатлениями. Во время одной из таких акций Катке даже удалось попасть на съемку какого-то ток-шоу – ну, типа, зритель в зале, понимаете? Там тоже немного заплатили... Когда она нашла работу у одной старухи, за домом присматривать в ее отсутствие, Катка решила, что джек-пот выиграла: бабка чуть ли не пять раз в год моталась по курортам, а всего-то и надо – кошку кормить да цветочки поливать! Даже убираться не просили, потому что дважды в неделю приходили люди из клининговой компании – их тоже, правда, требовалось впускать и находиться в квартире, чтобы они чего-нибудь не стибрили и хорошо сделали свою работу.

Похоже, Илья пристально следил за жизнью бывшей возлюбленной и был в курсе почти всего, что с ней происходило. Мог ли он убить ее? Но они давно расстались! Отсроченная ярость? Подобное случается редко, если только парнишка не псих, а на это не похоже. Или между молодыми людьми случилось что-то совсем недавно, перед самой смертью Уткиной, в результате чего эта самая смерть и наступила? Нет, что-то картинка не складывается.

* * *

Подъезжая к дому, в котором жил Роман Вагнер, Лера испытывала смешанные чувства. Во-первых, она недолюбливала богачей: они казались ей существами из другого мира, где все продается и покупается. Правда, надо честно признать, что ее общение с такими персонажами пока что было весьма ограничено, а жизнь Романа Вагнера и все, что ей удалось о нем узнать во время расследования убийства его деда, доказывало, что уж он-то заполучил свое немалое состояние, пройдя сквозь ад крошечный! Кроме того, Лера не совсем понимала, как общаться с теми, кто полагает, что вокруг них вращается мир, ведь характер у нее, как говаривала мама, не сахар, а темперамент так и вовсе бешеный, поэтому и обычные-то люди порой от нее шарахаются, не говоря уже о тех, кто не считает нужным подстраиваться под других, пусть и облеченных властью, как представитель Следственного комитета. Вот и сейчас Лера вовсе не была уверена, что Роман захочет с ней говорить – в конце концов, она дважды задерживала его в качестве подозреваемого! Правда, потом она же и доказала его невиновность, однако в течение расследования ему пришлось пережить немало неприятностей, а потому ее появление, способное всколыхнуть неприятные воспоминания, вряд ли доставит ему удовольствие! Поэтому Лера не стала звонить Вагнеру, предупреждая о своем приходе, решила нагрянуть неожиданно, застав парня врасплох, чтобы у него не было иного выхода, кроме как пообщаться с ней. В том, что она скорее всего найдет Романа дома, Лера почти не сомневалась. Конечно, он мог отказаться открывать ей дверь – и был бы в своем праве, ведь он, строго говоря, не является ни свидетелем по делу, ни уж тем более подозреваемым, но она все же решила рискнуть.

Как и в самый первый раз, когда она появилась здесь несколько месяцев назад, холл дома на Фонтанке, в котором проживал Вагнер, произвел на Леру впечатление: огромный и светлый, уставленный по периметру тропическими растениями, с мраморной лестницей, ведущей к лифтам, и картинами на стенах, он вполне мог бы быть фойе всемирно знаменитого театра или пятизвездочного отеля где-нибудь в Эмиратах. Навстречу ей поднялся из-за стойки кон-

сьерж в униформе, напоминающей военную – видимо, так и задумывалось. Однако это был не тот мужчина, которого Лера помнила: этот казался моложе лет на десять и не обладал той офицерской выправкой, какая отличала предыдущего. Лера предъявила документы и сообщила, что пришла к Роману Вагнеру.

– Он вас ожидает? – вежливо поинтересовался консьерж.

– Не думаю, – осторожно ответила она.

– Тогда я доложу ему о вашем приходе, – все так же вежливо, но тоном, не допускающим возражений, проговорил консьерж.

К облегчению Леры, Роман согласился ее принять, и она поднялась в отделанном дубовыми панелями лифте на шестой этаж. Дверь в квартиру Романа Вагнера оказалась открыта, и она вошла, предварительно позвонив в звонок, чтобы предупредить о своем появлении. Хозяин вышел ей навстречу в светлую просторную прихожую, и Лера отметила, что он по-прежнему до неприличия красив – как будто она ожидала, что это может измениться! Однако кое-какие перемены Лера все же заметила: весь облик Романа Вагнера дышал покоем, чего не было и в помине три месяца назад. Похоже, он освоился в роли главы знаменитого семейства и ювелирной империи!

– Не ожидал вас снова увидеть, – сказал он вместо приветствия. Роман стоял прямо, слегка склонив голову набок, словно птица, рассматривающая нечто, представляющее для нее интерес – например, жука или червячка. – Что-то случилось?

– С чего вы взяли? – резче, чем намеревалась, спросила Лера: ей не доставляло удовольствия, что ее разглядывают, словно экспонат в Кунсткамере.

– Неужели пришли со светским визитом? – приподняв бровь, насмешливо поинтересовался Роман, и Лера поняла, как глупо, должно быть, прозвучал ее вопрос.

– Вы правы, я по делу, – призналась она.

– Ну, тогда проходите в гостиную, – предложил он. – В дверях беседовать не слишком-то удобно, верно?

Гостиная не изменилась – все та же прекрасная мебель в стиле ар-деко, но главное – огромные окна на улицу, из которых видны самые известные достопримечательности Питера – за такой вид можно душу продать! Сейчас они оказались закрыты шторами, так как на улице моросил мелкий дождик и было прохладно. Лера выбрала для себя мягкий диван молочно-белого цвета напротив окна и уселась. Роман остался стоять: то ли пытаясь таким образом сократить время ее визита, то ли просто ему было так удобнее. Однако Лере при этом приходилось смотреть на собеседника снизу вверх.

– Итак, – первым заговорил он, – что у вас за дело, Валерия Юрьевна?

– Вы в курсе, что недавно убили и ограбили ювелира Зиновия Фельдмана? – спросила она.

– Разумеется. Наше профессиональное сообщество довольно узкое, знаете ли, и о каждом происшествии в нем сразу же становится известно!

– Вы были лично знакомы?

– Нет, но Карл – был.

Что ж, он по-прежнему называет деда по имени – здесь тоже без перемен. С другой стороны, стоит ли удивляться? Сначала Вагнер-старший забрал его из детдома, усыновив, и много лет Роман считал его приемным отцом. Позже, незадолго до его гибели, выяснилось, что Карл на самом деле приходился парню родным дедом – немудрено, что у Романа возникла путаница и в голове, и в душе!

– Насколько близко? – спросила Лера.

– Видите ли, мы работаем в разных секторах. Фельдман был, как говорили раньше, цеховиком, частным предпринимателем. В восьмидесятые он сидел в подполье, в девяностые, когда это перестало быть преступлением, вышел на свет, но предпочитал заниматься своим неболь-

шим делом и никогда не пытался поставить его на поток. Он имел собственный, довольно узкий, круг клиентов, которые делали заказы, поэтому ему не требовалось много работников.

– Ну, ваш круг тоже не слишком-то широк! – заметила Лера.

– У нас свое производство, – возразил Роман. – Кроме того, сейчас многое изменилось: мы с Эдуардом пришли к соглашению.

Вот они, наконец, добрались и до Эдуарда – Лера и не надеялась, что это произойдет так легко и органично!

– К какому соглашению? – поинтересовалась она.

– Мы открыли линию более доступных изделий, как он и хотел, и производство расширилось. Дела идут лучше, чем прежде!

– Значит, вы не уволили Эдуарда?

– Зачем? – пожал плечами Роман. – Он эффективен на своем месте: Карл научил его всему, познакомил с поставщиками, так почему я должен его увольнять?

– Ну, хотя бы потому, что он вам не родственник!

– И что с того? Дело перестало быть сугубо семейным, но от этого оно ничего не потеряло, а лишь приобрело. Эдуард не приходится мне кровным братом, но мы неплохо поладили, когда познакомились поближе, ведь раньше у нас отсутствовала такая возможность. Наши функции строго определены: я работаю с VIP-клиентами и создаю дизайны для производства. В изделиях, предназначенных для масс-маркета, используется более дешевое сырье – к примеру, не синие бриллианты, а голубые топазы, не желтые сапфиры, а цитрины и так далее, а в остальном они выглядят так же, только стоят в разы дешевле. Эдуард занимается бизнесом. Кстати, мы вернули предыдущего директора по маркетингу, и они теперь снова работают вместе.

– Я смотрю, вы развернулись!

– Есть такое дело.

– А как остальные члены семьи? – спросила Лера. Это не имело прямого отношения к делу, ради которого она пришла, но ей было любопытно, и она не удержалась от вопроса.

– Эльза в колонии для несовершеннолетних, – сухо ответил Роман. – В следующем году ее переведут во взрослую: ей дали десять лет, вы же знаете?

– Да, – кивнула Лера. – Возраст стал смягчающим обстоятельством, но она все же убила троих!

– Строго говоря, двоих, – поправил ее Роман. – Карла убил ее поделщик адвокат!

– Вы думали, что станете делать, когда она выйдет? Рано или поздно это ведь произойдет.

– У Эльзы есть мать, – холодно ответил Роман. – Думаю, пора ей позаботиться о дочери, наконец.

– Антон живет с ней?

– Он в реабилитационном центре. Мы с Эдуардом решили отправить его туда на год. Антон согласился: его потрясло то, что сотворила его сестра, и как она пыталась его подставить, когда запахло жареным. До Антона дошло, что, не будь он все время под кайфом, такого бы не случилось.

– Очень мило с вашей стороны, – пробормотала Лера. – Учитывая, что и Антон вам никто.

– Когда настоящей семьи нет, приходится довольствоваться тем, что имеешь... Так почему вы спросили меня о Фельдмане?

– Ходят слухи, что у вашего, гм... брата были с ним дела.

– Сомневаюсь! Я же сказал, мы в разных весовых категориях, Фельдман...

– Говорят, у Эдуарда с ювелиром была ссора, – перебила Романа Лера.

– Кто говорит?

– Подмастерья убитого: они оба слышали, как их хозяин ругался с вашим братом.

– И что с того?

– Ничего, только через пару дней после этого Фельдмана нашли мертвым!

– Я что-то не понимаю, от меня-то вы чего ждете?

Вопрос застал Леру врасплох. А действительно, чего? Роман почти не выходит из дома, их пути с Эдуардом пересекаются редко, несмотря на то, что оба работают в одной компании. Но у них абсолютно разные обязанности: Эдуард ведет бизнес, а Роман работает руками!

– Я понятия не имею ни о какой ссоре между Эдуардом и Фельдманом, – добавил Роман, ведь Лера молчала, так и не придумав, что ответить на его вопрос. – Он – человек эмоциональный, вы же знаете, и вполне мог поругаться с кем-то, но это не означает, что он и есть убийца!

– Вы правы, не означает, – согласилась Лера. – Значит, Эдуард ничего вам не рассказывал?

– Мы с ним редко беседуем, в основном по телефону, так что вряд ли он стал бы мне рассказывать о Фельдмане! Но вот что я скажу вам об... убитом: его в нашем сообществе не любили.

– Вы же сказали, что не знакомы с ним лично?

– А я этого и не отрицаю, – пожал плечами Вагнер. – Однако я общаюсь с другими ювелирами, и они были о Фельдмане невысокого мнения.

– Странно, он же был успешен в своей области!

– Я говорю не о бизнесе, а об отношениях с коллегами и клиентурой.

– И чем же он так не угодил им?

– Насколько я слышал, Фельдман был лишен каких-либо понятий о порядочности.

– Вот как! Есть какие-то свидетельства тому?

– Ходят слухи, что он мог, к примеру, увести дорогой заказ из-под самого носа у собрата, и совесть его при этом не мучила.

– А как такое возможно?

– О том, что какой-то богач планирует заказать изделие, быстро становится известно, особенно среди частников, ведь они борются за каждый такой заказ. Так вот, клиент находил ювелира – как правило, по рекомендации друзей или знакомых, а Фельдман мог перебежать тому дорогу, явившись к заказчику и предложив то же самое, но за меньшую цену.

– И что, это не казалось им подозрительным? Толстосумы ведь обычно подозрительны!

– Но они еще и прижимисты, иначе не были бы теми, кем являются! Конечно, не всегда у Фельдмана «выгорало», но чаще всего ему удавалось переманить заказчика.

– И ему позволяли этим заниматься?

– Ну, а что тут можно сделать?

– К примеру, убить его – и дело с концом!

– По-моему, вы путаете ювелиров с урками, – поморщился Роман. – У нас так не делается!

– А как делается?

– Допустим, запускается слух, что кто-то закупает «левое» сырье, которое может впоследствии создать заказчику проблемы с законом. Или, скажем, что камни худшего качества выдаются за более дорогие, и цена, соответственно, возрастает... А про Фельдмана я могу одно сказать: он воровал дизайны изделий, и это я уже из первых рук знаю!

– То есть?

– Вы же понимаете, что, когда богатый человек заказывает эксклюзивное украшение, он желает, чтобы оно было единственным в своем роде?

– Ну наверное...

– Часто они даже ставят такое условие – чтобы изделие существовало в единственном экземпляре. Заказчик платит не только за украшение, но и за престиж: его жена или подруга не должны на каком-нибудь приеме или дефиле столкнуться с женщиной, на пальце которой окажется точно такое же кольцо или на шее – ожерелье!

– Фельдман скопировал ваше изделие?

– Это еще при жизни Карла случилось. Я сделал для одного банкира браслет, который он хотел подарить жене на годовщину свадьбы... Могу показать, хотите?

– Хочу, конечно! – воскликнула Лера.

Она была, в сущности, равнодушна к драгоценностям, но ей хотелось взглянуть на творение рук Романа Вагнера. До этого ей лишь однажды довелось держать в руках то, что он создал – потрясающее ожерелье из голубых опалов. Роман вышел и через пару минут вернулся, держа в руках толстый альбом. Раскрыв его на нужной странице, он показал Лере большую, очень качественную фотографию браслета из желтого золота в виде ящерицы, которая вся сверкала и переливалась.

– Здесь все – бриллианты, – пояснил Роман, указывая ногтем на камни. – Желтые, зеленые и коньячные.

– Великолепная работа! – честно сказала Лера. – В магазине я такого не видела!

– Там и не может такого быть, это ведь эксклюзивное изделие, единственное в своем роде.

– И что, Фельдман скопировал вашу «ящерку»?

– Да. Он использовал золото, но не семьсот пятидесятой, а стандартной, пятьсот восемьдесят пятой пробы, а бриллианты – чуть ли не крошка, отсюда и гораздо более низкая цена. Супруга банкира сильно расстроилась, увидев на ком-то похожий браслет – пришлось ее утешать, объясняя, в чем разница.

– Она приняла ваше объяснение?

– Не знаю, этим Карл занимался. Видимо, да, потому что больше об этом разговор не заходил, а банкир продолжает делать у меня заказы.

– Насколько сильно вас расстроила эта, гм... кража интеллектуальной собственности, если можно ее так назвать? – спросила Лера.

– Не настолько, чтобы убивать Фельдмана! – усмехнулся Роман.

– Да я вовсе не собиралась обвинять в его убийстве вас, просто мне хотелось понять...

– Что именно? Мог ли кто-то из моих коллег, оказавшись в подобной ситуации, пойти на преступление? По-моему, я уже высказал свое мнение на этот счет: мы так не поступаем. В нашей среде проще испортить чью-то репутацию, придумав какую-нибудь правдоподобную «утку», ведь в бизнесе, особенно таком нишевом, как ювелирное дело, потеря лица – самое страшное, что может случиться! Спрос на дорогие изделия не столь велик, как на массовый ширпотреб, поэтому лишиться клиента, который, возможно, еще не раз обратился бы к вам, большая беда!

– А за такое убить можно? – ухватила за его слова Лера. – Вы сказали, что Фельдман не гнушался подобными вещами...

– Верно, – задумчиво проговорил Роман, потирая подбородок. Лера невольно обратила внимание на то, какие у него красивые руки. Их портило лишь одно – темный налет под ногтями: она где-то читала, что при работе с драгоценными металлами ювелирам трудно избавиться от металлической крошки, забивающейся под ногтевую пластину, и простой чисткой этого не исправить. – Но мне все же кажется, что убийство – слишком крайняя мера, чтобы рисковать потерей свободы, да и жизни, к которой привык... Нет, мне трудно поверить, что Фельдман погиб из-за собственной беспринципности! Его ведь ограбили?

– Да, – подтвердила Лера. – Остается понять, было ли целью ограбление или все-таки убийство?

– О том, чем занимается Фельдман, знали многие, – заметил Роман. – Взяли только бриллианты?

– Да, но он обычно не хранил камни дома, это был редкий случай!

– Понимаю... Выходит, кто-то знал о бриллиантах?

– Вы правы, выходит. А Эдуард точно был в курсе!

– В курсе, что Фельдман по дурости оставит их у себя вместо того, чтобы спрятать в сейфе в мастерской? Сомневаюсь!

Разговор зашел в тупик, и Лера не представляла, что еще сказать: судя по всему, Роман Вагнер рассказал ей все, о чем знал.

– Как вы вообще? – неожиданно даже для самой себя вдруг спросила она.

На лице собеседника отразилось изумление: он тоже не ожидал от нее подобного вопроса. Тем не менее, видимо, посчитал, что она интересуется искренне – уж ему ли не знать! – поэтому ответил:

– Привыкаю к одиночеству. Потихоньку.

– Вы и раньше не любили общество, – напомнила Лера.

– Ваша правда, но я никогда не был один в полном смысле этого слова, как... сейчас.

Лера понимала, о чем он говорит: в детском доме его окружали люди, нравилось это Роману или нет, а потом рядом всегда был Карл. Теперь его не стало, и парень действительно остался совершенно один, несмотря на то, что формально у него есть родственники, пусть и не самые удачные. Конечно, быть богатым и одиноким – не то же самое, что в одиночестве еле сводить концы с концами, и все же Лера понимала, что одному тяжело. Она порой мечтала о том, чтобы ее оставили в покое, но это – другое: она с утра до вечера общается с людьми, а еще у нее есть мама, сестра и зять, который Лере практически как старший брат, поэтому одиночество она выбирает добровольно, всегда имея возможность прервать его и вновь оказаться в обществе любимых людей. Роман же одинок вынужденно, и ему гораздо сложнее, чем любому другому, вписаться в какую-либо компанию.

– Не надо! – услышала она его слова. – Не жалейте меня, я справляюсь. В конце концов, у меня есть все, о чем можно мечтать, а остальное – так, блажь, ерунда!

– Вы давно говорили с доктором Сапковским?

– Мы все время на связи, но у меня пока нет необходимости в дополнительной терапии, спасибо за беспокойство. Если у вас все, я бы хотел заняться очередным заказом.

Это было предложение выйти вон, и Лере ничего не оставалось, как распрощаться. Тем не менее ей казалось, что они не договорили. С тех пор, как она узнала об особом даре, или, скорее, проклятии Романа Вагнера, передающемся по мужской линии в его семье, Лера все спрашивала себя, насколько трудно выживать в мире человеку, который буквально кожей чувствует то, что переживают окружающие его люди? Эмпатия, доведенная до крайнего предела, когда ты воспринимаешь чужую боль, как свою, способна убить! Медицинские препараты помогают, но постоянно находиться на них невозможно без вреда для физического здоровья, а без них может пострадать здоровье ментальное... Интересно, появился ли у Романа кто-то особенный – тот, кто в курсе его проблемы? Он сказал, что привыкает к одиночеству, но ведь Лера ему никто, и он не обязан делиться с ней самым сокровенным! Да и почему ее вообще это интересует?!

* * *

Лера выслушала доклады оперов, время от времени делая пометки в блокноте.

– Таким образом, – подытожил Виктор, – в жизни Катерины Уткиной не было ничего, за что ее можно убить: обычная провинциальная девчонка, приехавшая в большой город и пытавшаяся устроить свою жизнь наилучшим образом. Думаю, она – тупиковая версия, надо вплотную заняться прокурором.

– А я не согласна, – возразила Лера. – Разве ты не слышал, что сказал патолог: Катя была беременна.

– Подумаешь, невидаль! – отмахнулся Виктор. – Она могла сделать аборт...

– А если не захотела? – встрял Леонид. – Она же стремилась «привязать» к себе мужика, чтобы удачно выйти замуж: разве не стоит проверить ее бывших?

– Да тут проверять замаешься – их, похоже, немало!

– Надо проверить всех! – жестко сказала Лера. – Если причина убийства – нежелательная беременность, необходимо разыскать всех, с кем у Уткиной были близкие отношения.

– Да кто стал бы убивать в чужом доме – в квартире *прокурора города*?! – развел руками Логинов. – Не проще вызвать девчонку в какое-нибудь безлюдное место и там грохнуть?

– Мы ведь уже допускали ситуацию, что убивать не планировали, – терпеливо напомнила Лера. – Может, мужик пришел поговорить, убедить сделать аборт, но потерпел фиаско и вышел из себя?

– Кстати, это могло бы объяснить, почему убийца не напал на жертву с порога, а прошел в гостиную, – заметил Севада. – Возможно, разговор перетек в скандал, они схватились – и вот результат!

– Точно! – кивнула Лера. – А как у нас с ломбардами, Севада?

– Да никак! – расстроенно ответил опер. – Украшения, украденные у Роговой, ничем не примечательны – в ломбарды такие ежедневно сдают, поэтому никто пока не смог сообщить ничего полезного.

– Ну, я на это не больно-то и рассчитывала, – вздохнула Лера. – Другое дело, если бы похитили какой-нибудь раритет, брошь девятнадцатого века или диадему времен Наполеона, но мы должны были проверить, верно? К тому же, если преступник не дурак, он не станет сбывать цапки сразу после убийства или сделает это неофициально – продаст скупщику краденого или втюхает кому-то с рук по дешевке.

– Соседи тоже ничего полезного не рассказали, – добавил Коневич. – Уткина вела себя прилично, ни с кем не ругалась, мужиков в дом не водила – во всяком случае, никто об этом не упоминал.

– Значит, единственная зацепка – ссора с неизвестным у мусоропровода. Как у нас с портретом?

– Есть портрет, но этот «кадр» не проходит по нашим базам, так что пока глухо.

– Тогда давайте так, – сказала Лера, пробегая глазами свои заметки. – Севада, ты займешься подноготной Рогова: я хочу знать о нем все, что можно: если найдется какое-то грязное белье, будет просто отлично!

– Ты все-таки прокурора подозреваешь? – нахмурился Логинов. – Оно тебе надо?

– Девушка была беременна, – ответила на это Лера. – Она работала у матери Рогова...

– И ты считаешь, он стал бы гадить в доме собственной мамы?

– Да ладно, – отмахнулась она, – и не такое случается! Молодая девица с амбициями и неодолимым желанием зацепиться в Питере и взрослый, полный сил мужчина – чем, как говорится, черт не шутит?

– Но – убивать?! – не сдавался Виктор. – Да еще в доме матери!

– Преступления на почве страсти никто не отменял, – упрямо заявила Лера. – Я не пойму, ты чего боишься – столкновения с Роговым?

– Ничего я не боюсь! – огрызнулся Логинов. Злился он потому, что Медведица очень точно ухватила суть: он действительно опасался, что его карьера может оказаться под угрозой, если они всерьез возьмутся за прокурора, а потом окажется, что он ни при чем.

– Так вот, Севада, – снова вернулась Лера к Падояну, – нарой мне что-нибудь на Рогова, ладно? Главное, узнай, появлялся ли он где-нибудь в сопровождении Уткиной, давал ли деньги и так далее!

– Допустим, она была его любовницей, – вмешался в перепалку Леонид. – Разве это доказывает убийство?

– Вот! – победно ткнул в его сторону пальцем Логинов, довольный, что получил поддержку от коллеги.

– Не доказывает, – поспешил на подмогу Лере Севада, – но если выяснится, что ребенок – его, то это, по крайней мере, мотив!

Теперь победу праздновала Лера. Делала она это молча, но лицо ее при этом сияло.

– Ты, Витя, возмешь в разработку приятелей Уткиной и выяснишь, не мог ли кто-то из них являться папашей, – продолжила она, насладившись моментом. – К сожалению, мы можем полагаться лишь на их добровольное сотрудничество: если парни откажутся сдать тест на отцовство, мы пока ничего не сможем поделать, ведь для принудительного анализа нужны более весомые улики...

– Вот именно! – прервал Леру Логинов. – За то, что парень сделал девчонке ребенка, у нас не привлекают к ответственности – особенно принимая во внимание тот факт, что ребенок этот так и не родился! И как, по-твоему, я смогу их заставить согласиться на тест?

– Ты же у нас опытный оперативник, правда? Вот и примени свой дар убеждения!

Виктор открыл было рот, чтобы продолжить возражать, но передумал – бесполезная трата слов! Опять она настаивает на разработке версии, в которую он не верит – делает это нарочно, чтобы его позлить?! Что ж, вот он возьмет и нароем что-нибудь «горяченькое», чтобы Медведица не считала себя самой умной!

– А Леня займется поиском автомобилей с авторегистраторами, которые могли записать тех, кто входил в дом и выходил из него во время, близкое к моменту гибели Уткиной. Мы не обнаружили камер ни на самом доме, ни на зданиях поблизости. На одном магазине камера есть, но, оказывается, она давно не работает, так что остаются автовладельцы, жильцы дома и их гости.

– Хорошо, – вздохнул Леонид: он бы предпочел получить задания любого из своих коллег, но понимал, что и поиск авторегистраторов – дело не менее важное, поэтому не стал возражать.

– Да-а, что-то маловато у нас версий! – пробормотала Лера, постукивая кончиком карандаша по столешнице. – Кстати, что там с телефоном Уткиной, Леня, есть звонки Рогову?

– Есть, но не так чтобы много. Может, у них был отдельный телефон для связи, как у шпионов? Я слышал, некоторые так делают, чтобы от жен «шифроваться».

– Никакого второго телефона у Уткиной не нашли. Еще что?

– Жертва вызвала клининговую службу, а еще она заказывала суши в сети ресторанов «Ушлая устрица» примерно в шесть тридцать вечера.

– Заказ доставили?

– Да: патолог говорит, что в желудке жертвы присутствуют соответствующие продукты, а судмедэкспертиза нашла в мусорном бачке коробку из-под суши. Но мы же уже решили, что доставщик не мог убить ее, ведь вряд ли она стала бы приглашать его в гостиную!

– На всякий случай все же стоит проверить этого парня, – возразила Лера. – Были ли у него другие заказы в тот день? Сколько времени он провел в квартире? Имелась ли у него возможность совершить убийство с ограблением, а потом отправиться дальше по клиентам? Необходимо все это выяснить, Леня, и это тоже на тебе, ладно? И службу уборки проверь – на какое время убитая ее приглашала, кто приходил, когда ушел и все такое.

– Идет! – немного воспрянул духом парень: это все же веселее, чем обзванивать автовладельцев и просматривать записи с регистраторов.

– Ну, а ты у нас что планируешь делать? – поинтересовался Логинов.

– Поболтаю с Роговым еще разок!

– Ты же уже должна была это сделать!

– Да, но возникло одно непредвиденное обстоятельство...

– Что еще за обстоятельство? – встрепнулся Виктор: он терпеть не мог быть не в курсе событий, это больно било по его самолюбию.

– Не волнуйся, оно не имеет отношения к нашему делу, – успокоила его Лера. – Так, личная просьба Сурковой.

– О, ты выполняешь ее *личные* просьбы? – съязвил Логинов. – У вас такие близкие отношения, или ты стала ее адъютантом?

– Не болтай глупости! – огрызнулась она. – Просто мне это было сделать проще, чем ей... Давайте-ка еще раз пробежимся по плану работ.

* * *

Сидя напротив Эдуарда Вагнера, Алла с интересом разглядывала его. Даже не зная о том, что их с Романом не связывает кровное родство, можно легко заключить, что между «братями» нет ничего общего: кровь Вагнеров определенно не текла в жилах этого молодого мужчины. Если между покойным Карлом и Романом имелось явное сходство, то светловолосый и светлокожий Эдуард ничем не походил ни на одного из них, как и на своего «отца», который, как выяснилось во время расследования убийства Карла Вагнера, и не приходился ему таковым.

Прежде чем вызвать Эдуарда повесткой, Алла выслушала доклад Валерии Медведь о ее беседе с Романом. Ее удивило, что единственный наследник Карла не стал избавляться от «родственников», а, напротив, постарался им помочь. Эдуард не только не потерял свое место, но и, можно сказать, получил повышение: теперь он рулил «Малахитовой шкатулкой», а Роман, являясь владельцем бизнеса, оставался в тени. Алле было невдомек, почему его устраивает такое положение.

– Я не понимаю, что я здесь делаю! – возмущался Эдуард. – Признаться, я не в восторге от общения с вашими коллегами еще с прошлого раза, так что...

– Я знаю, что вы проходили по делу об убийстве вашего деда в качестве свидетеля, – кивнула Алла. – Сначала вас даже подозревали.

– Но позже полностью оправдали! – воскликнул Вагнер. – Разве этого недостаточно?

– Сейчас речь не об этом, а о ваших отношениях с Зиновием Фельдманом.

– С Фельд... погодите-ка, на что вы намекаете?

– Вам известно о том, что он был убит и ограблен? – вместо ответа задала вопрос Алла.

– Естественно, все в курсе!

– Все?

– Ну, те, кто в нашем бизнесе, само собой – не знаю, говорили ли об этом в «новостях»!

– Упомянули вскользь – так, всего пару слов.

– Я только не понимаю, при чем здесь я? – развел руками Эдуард. – Я не имел дел с Фельдманом, мы с ним в разных весовых категориях!

В тоне Вагнера прозвучало нескрываемое превосходство: очевидно, он не считал убитого ювелира ровней себе, хотя, по сути, Фельдман стоял выше его по статусу, являясь владельцем собственного, хоть и маленького, бизнеса, а Эдуард был всего лишь наемным работником и полностью зависел от милости Романа Вагнера, который позволял ему работать в фирме. В очередной раз Алла подивилась тому, как быстро люди, получившие деньги и хоть какую-то власть, начинают считать все это само собой разумеющимся, полагая, что заслужили свой статус, а остальных – тех, кто не добился в жизни больших высот, – и в грош не ставят! Она решила, что Эдуард ей, скорее, не нравится – слишком уж задирает нос, хотя ему есть, чему поучиться и в плане бизнеса, и в сфере межличностного общения.

– Разве вы не поспорили с Фельдманом накануне его гибели? – невинным тоном поинтересовалась Алла.

– Я – с Фельдманом? Да вы смеетесь! На почве чего мы могли спорить, ведь у нас нет ничего общего!

– Есть свидетели вашей ссоры.

– Неужели? И кто же?

– Работники убитого ювелира: они видели вас и слышали, как вы кричали друг на друга!

– Ну, тогда они должны были видеть, как я уходил, и Фельдман был живее всех живых!

– То есть, вы не отрицаете, что приходили к нему? – спокойно уточнила Алла, делая пометку в блокноте. На самом деле, этого не требовалось – она лишь желала заставить допрашиваемого нервничать, и ей это удалось.

– Хорошо, не отрицаю! – буркнул он.

– А зачем сначала сказали неправду?

– Слушайте, я не первый день на свете живу, к тому же я уже сидел на этом месте, и мне не понравилось! Если бы я сразу признался, что виделся с Фельдманом, то тем самым сделал бы себя первым подозреваемым – не так, что ли?

– Конечно, не так! Вы не должны доказывать свою невиновность, помните? Это мы должны собрать доказательства того, что вы убили Зиновия Фельдмана. Ваша с ним ссора, конечно, имеет значение, но она не доказывает вашей вины, ведь, как вы верно подметили, ювелир был жив, когда вы уходили.

Во взгляде Вагнера промелькнуло удивление: он определенно не ожидал, что следователь встанет на его сторону в этом вопросе. Однако это выражение тут же сменилось подозрением: а что, если она блефует, чтобы подставить его?

– Вам, Эдуард Георгиевич, лучше рассказать все, как было, – посоветовала Алла. – Чем более полную и правдивую картину мы будем иметь, тем скорее поймем настоящего преступника. Я отлично понимаю, какой дискомфорт вы испытываете, но давайте его не усугублять, хорошо? Зачем вы приходили к Фельдману, из-за чего возник спор?

Вагнер помолчал, размышляя над ее словами. Наконец, он заговорил:

– Ладно, раз уж такое дело... В общем, Фельдман был записной сволочью – вот ни секунды не жалею, что его грохнули!

– Что так?

– Он действовал абсолютно пиратскими методами, не гнушался переманиванием клиентов, лямзил чужие дизайны и так далее!

– Он перешел вам дорогу?

– В некотором смысле, да. Это связано с бриллиантами.

– С украденными бриллиантами, которые он привез из Индии?

– Что он сделал, простите?!

– А что не так? – встрепелась Алла. До сих пор все, что она выяснила, совпадало с показаниями свидетелей. Не то чтобы она полностью доверяла словам Эдуарда, однако выслушать его версию просто необходимо.

– Конечно, не так! Фельдман никогда не имел дел с иностранными поставщиками, тем более с теми, кто непосредственно добывает камни – разве что с посредниками!

– А в чем разница, я что-то не пойму?

– Во-первых, в цене: если делаешь заказ у добывающей компании, она в полтора-два раза меньше. Кроме того, в этом случае есть шанс купить по-настоящему качественное сырье из первых рук.

– Так украденные бриллианты были...

– Моими! Я сам их выбрал и заказал лично у Гопала Триведи, владельца небольшой алмазодобывающей компании. Покупка делалась под определенные изделия, которые, в свою очередь, клиенты заказали в нашей фирме. Камни были предоплачены, кстати.

– То есть, ваши покупатели оплатили часть заказа до того, как вы приступили к его исполнению? – уточнила Алла, снова делая в блокноте пометку, теперь уже не просто для вида.

– Это обычная практика, если вам требуется эксклюзив, – пожал плечами Эдуард. – Если я вложу в камни собственные средства, а заказчик впоследствии откажется, мне придется искать кого-то другого, а это – и время, и деньги!

– Но ведь покупатель и так может отказаться в любой момент, и вы, выходит, получите только стоимость камней, так?

– Да, но камни и работа – самое дорогое в нашем деле. Если хотя бы первые оплачены, то проблема не так велика – рано или поздно изделие удастся пристроить. Конечно, такие ситуации нежелательны, и они происходят крайне редко, ведь мы заключаем с клиентом предварительный договор.

– В самом деле?

– Ну да, там мы прописываем ответственность сторон.

– Так что же, он не может отказаться от готового изделия?

– Ну почему же, не может – всякое случается, – пожал плечами Вагнер. – Однажды вышло так, что один менеджер высшего звена заказал у нас дорогое кольцо с аризонской бирюзой...

– Простите мой дилетантизм, но разве бирюза так уж ценна?

– Ну, это смотря как оценивать. Вообще-то она считается ювелирно-поделочным камнем, но есть нюансы. Дело в том, что девяносто процентов бирюзы на рынке – имитация.

– Подделка, что ли?

– Не совсем. Месторождений качественной бирюзы много, но они невелики по объему запасов, а спрос большой. «Бирюзовые» вставки выращивают искусственно, нарезают тонкими пластинами, пропитывают смолами и измельчают в порошок, смешивая с крошкой других материалов, после чего формуют «камень» более или менее приличных размеров. Понимаете, обычно стоимость ювелирных камней определяется четким набором критериев – цветом, прозрачностью, твердостью, весом и так далее. Но в случае бирюзы оценивается не столько это, сколько ее происхождение, то бишь месторождение. Чаще всего бирюза является побочным продуктом добычи меди. Лучшие в мире месторождения расположены в северном Иране, в штате Аризона в США, в Египте и Мексике. Аризонская бирюза из закрытой шахты «Спящая красавица» считается одной из наиболее дорогих, и цены на добытые там камни взлетели до небес – теперь они доходят до пятидесяти долларов за карат! В кольцо, о котором я упомянул, было пятнадцать карат, да и золота на него ушло около десяти граммов, не говоря уже о ювелирной работе... Кстати, этим заказом занимался Роман, если вам интересно.

– Очень интересно! – честно ответила Алла. Она обожала драгоценности, но редко баловала ими себя: во-первых, дорого, а во-вторых, ей и носить-то их особенно некуда – не бандитов же допрашивать в золоте и бриллиантах! Украшения представляли для нее скорее художественный интерес и доставляли эстетическое наслаждение, поэтому разговор с Эдуардом Вагнером, несмотря на ее изначально отрицательный настрой, даже начал доставлять Алле удовольствие. – Так что там насчет этого... менеджера?

– Да... так вот, он, значит, сделал роскошный заказ для своей невесты. Работа заняла около месяца, и за это время мужик лишился места, можете себе представить?

– С трудом!

– Он не смог расплатиться за кольцо, да и сам подарок потерял актуальность: невеста бросила его, узнав, что его уровень благосостояния резко упал.

Эдуард замолчал, и Алла точно знала, о чем он думает, ведь его собственная ситуация очень напоминала только что описанную.

– И как вы вышли из положения? – поинтересовалась она. – Пошли в суд с договором?

– Да нет, конечно! Так как бирюза была заранее оплачена, дед... ну, он тогда еще жив был, отказался от компенсации, пожалев парня. Кольцо, кстати, быстро ушло к другому клиенту, который увидел его фотографию в альбоме.

– Значит, с бриллиантами этого Гопала...

– Гопала Триведи.

– Значит, с ними было так же – кто-то уже оплатил их покупку?

– Если быть точным, то три клиента внесли предоплату, да. Между прочим, это очень ценные камни огранки «Хайлайт кат»!

– Боюсь, я плохо разбираюсь в таких тонкостях, – призналась Алла.

– В них семьдесят три фасета, сорок один вверх и тридцать два вниз.

– А фасет, это...

– Грань, другими словами. Этот тип огранки считается одним из самых лучших: мелкие бриллианты невозможно обработать таким способом, они должны быть достаточно крупными. Мы покупаем и неограниченные камни, но тут представилась возможность купить именно такие, причем по очень приятной цене!

– И как же они оказались у Фельдмана?

– Он каким-то образом узнал о заказе!

– Есть мысли, как именно?

– Я провожу расследование, но пока не удалось выяснить, кто «слил» Фельдману информацию.

– Но в чем же проблема? – не понимала Алла. – Вы ведь уже оплатили камни, так?

– Я не успел. Фельдман связался с Триведи, якобы от моего имени, перевел ему деньги и сообщил адрес для доставки! Фактически, он ничего не украл, ведь деньги были уплачены, но камни получил Фельдман, а не я. Триведи, конечно, очень извинялся, когда узнал правду, но это не его вина.

– А он не удивился, что ему назвали другой адрес?

– Адреса бывают разными, потому что иногда камни доставляют сразу Роману, иногда доставка идет на адрес производства, а порой и на адрес офиса. Кроме того, мы не всегда списываемся лично: у Триведи есть помощники, как и у меня.

– Разве достать бриллианты – такая уж большая проблема? – спросила Алла. – Ну, не купили эти, можно же другие заказать!

– Теоретически, можно, но ведь под эти камни уже были сделаны эскизы изделий для трех клиентов, и они внесли предоплату! Новый заказ занимает время, ведь требуется снова подбирать подходящие камни, гранить их, пересылать, а клиент при этом не станет входить в наше положение, ведь такие вещи обычно заказывают к определенной дате – свадьбе, годовщине, дню рождения и так далее!

– Понимаю... Так вы отправились к Фельдману разбираться?

– А как бы вы поступили на моем месте? Не в первый раз он гадил моей фирме, надо было положить этому конец!

– И как именно вы это сде...

В этот момент дверь в допросную распахнулась, и дежурный впустил в помещение оранжевое облако, окутанное сногшибательным ароматом духов «Елисейские Поля». Даже если бы Алла вдруг ослепла, она обязательно узнала бы вошедшую по этому признаку: подруга-адвокат никогда не изменяла себе, пользуясь только этими французскими духами.

Как-то раз Алла поинтересовалась, что Марина станет делать, если парфюм снимут с производства, ведь время от времени косметические компании обновляют ассортимент. Адвокатессу, казалось, напугала такая перспектива, и она ответила, поразмыслив: «Тогда я обращусь к частному парфюмеру, который воссоздаст для меня этот аромат, чтобы не пришлось мучиться, подбирая другой!»

Как всегда, Марина выглядела великолепно и даже величественно, облаченная в потрясающий брючный костюм апельсинового цвета, отлично сидевший на ее объемистой фигуре. Несмотря на высокий рост, она, как обычно, была на каблуках, прибавлявших ей еще добрых семь-восемь сантиметров!

– Больше ни слова, Эдуард! – хорошо поставленным голосом предупредила она Вагнера, изумленно хлопавшего глазами. – Теперь я буду подсказывать вам, что следует говорить, а что – нет... Для вашей же пользы, разумеется!

– Что это значит? – поинтересовалась Алла.

– Это значит, Алла Гурьевна, – официально проговорила адвокат Бондаренко, поворачиваясь к ней, – что отныне я представляю интересы господина Вагнера!

– И когда же он успел нанять вас? – удивилась следователь. – Мы ждали общественного защитника, так как у Эдуарда Георгиевича пока нет своего адвоката.

– Ну, да, ведь его адвокат был убит Эльзой Вагнер, верно? – скорее констатировала, нежели спросила Марина. – Эдуард Георгиевич и не нанимал меня – это сделал Роман Карлович.

– Роман Вагнер? – переспросила Алла. – Как интересно!

– Он сказал, что к нему приходила следователь Медведь и интересовалась отношениями моего клиента и покойного Зиновия Фельдмана. Из этого Роман Карлович сделал вывод, что его брату, скорее всего, понадобятся мои услуги. Что ж, как видно, он оказался прав!

Аллу удивил этот жест со стороны Романа Вагнера: насколько она знала, «братья» едва общались, и только по работе, но Роман почему-то счел необходимым нанять для Эдуарда адвоката, причем из лучших. Во время расследования убийства Карла Вагнера Марина здорово помогла Роману, причем в тот раз Алла лично обратилась к подруге, так как не верила в виновность парня. Участие Марины Бондаренко в деле Фельдмана – не самая хорошая новость, ведь она действительно хороша! Не то чтобы Алла всерьез верила, что Эдуард убил ювелира, однако пока что он оставался их единственной зацепкой.

Марина между тем устроилась на неудобном стуле рядом со своим доверителем и сложила руки на столе, словно ученица в классе, приготовившаяся слушать учительницу.

– Так мы продолжим? – спросила Алла, откашлявшись. – Что вы делали в то время, когда убили Фельдмана, Эдуард Георгиевич?

– Я... это ведь ночью случилось, верно?

Алла подтвердила.

– Ну, я был дома и, видимо, спал.

– Кто-нибудь может подтвердить ваше алиби?

– С некоторых пор я живу один! – фыркнул Эдуард.

Алла помнила, что раньше у него была девушка – ветреное и довольное глупое, но, по словам Медведь, привлекательное создание. Она сдала жениха Лере с потрохами, как только поняла, что ее могут привлечь за дачу ложных показаний – неудивительно, что Эдуарду не слишком-то приятно о ней вспоминать!

– Отсутствие алиби ничего не доказывает, – напомнила Марина. – Раз нет других улик против моего клиента! Давайте посмотрим, что у вас есть, а? Небольшая размолвка с покойным...

– Небольшая? – перебила подругу Алла. – Да они чуть не подрались, судя по показаниям подмастерьев Фельдмана!

– «Чуть-чуть» не считается! – парировала адвокатесса. – Насколько я понимаю, по тем же самым показаниям подмастерьев известно, что мой клиент покинул мастерскую, оставив ювелира живым. Ну, поскандалили они, что с того?

– Верно, – неохотно согласилась Алла. – Но вы ведь не станете отрицать, что это имеет значение, если один из скандалистов впоследствии погиб!

– Не стану, но давайте рассмотрим и другие возможности. Во-первых, разве Фельдман только с моим доверителем ругался? Да у него врагов – полгорода, почитай, у каждого второго ювелира Питера найдутся претензии к убиенному!

Тут возразить было нечего: судя по тому, что к этому моменту удалось разузнать группе Аллы, и сведениям, полученным от Леры, слова Марины – чистая правда!

– Допускаю, – продолжала адвокатесса, – что Эдуард Георгиевич, как всякий эмоциональный человек, мог по неосторожности причинить вред Зиновию Фельдману, однако он не сделал этого даже в пылу спора, так неужели вы полагаете, что он мог вернуться через какое-то время и совершить убийство, уже с холодной головой?

– Скажите, Эдуард Георгиевич, чем закончилась ваша потасовка с убитым ювелиром? – задала вопрос Алла, понимая, что доводы Бондаренко справедливы.

– В смысле – чем?

– Ну, что Фельдман сказал в свое оправдание?

– Да он и не думал оправдываться! – процедил Эдуард. – Сказал, что-то типа «Ничего личного, только бизнес!» – нелепость полная!

– Но он же как-то объяснил ситуацию?

– Да ничего он не объяснял! Сказал, что сам вышел на Гопала Триведи, а это, дескать, никому не возбраняется... Ерунда, конечно, и он отлично это понимал! Я не мог доказать, что камни предназначались мне, ведь с Гопалом мы всегда договариваемся на словах. В сущности, деньги-то я не потерял, только репутацию и, возможно, трех клиентов! Фельдман смотрел мне прямо в глаза и врал, а про себя, наверное, ухохатывался, как ловко он меня вокруг пальца обвел! Только вот Триведи не стал бы иметь дело с таким, как Фельдман – слишком мелкая рыбешка в ювелирном море, так что, эти бриллианты для него – просто подарок небес!

– Ну да, – мрачно усмехнулась Алла, – особенно с учетом того, чем окончилась афера!

– Так вы позволите моему доверителю ехать домой? – спросила Марина. – У вас недостаточно причин его задерживать...

– Он совершенно свободен, – не дослушав, ответила Алла. – Но попрошу вас, Эдуард Георгиевич, из города пока не уезжать – вы можете еще понадобиться.

– Да куда же он денется? – повела плечами адвокатесса. – У него здесь бизнес и вся жизнь!

Когда Эдуард ушел, Марина не стала его сопровождать. Вместо этого она предложила:

– Может, выпьем кофейку, Аллусик? И заодно перетрем кое-что, идет? Здесь неподалеку открылся неплохой армянский ресторанчик, и там подают потрясающую долму!

У Аллы не было причин отказываться.

Заведение действительно находилось в пяти минутах ходьбы от здания, где работала Алла – и как она его раньше не заметила? Возможно, дело в том, что прежде в этом помещении располагалась кальянная, которая не могла ее заинтересовать, зато теперь на дверях красовалась вывеска, на которой жизнерадостный мужичок в национальном армянском костюме играл на дудуке². Под картинкой значилось название – «У Гурама».

Зал оказался небольшим, но уютным, а в глубине его даже располагалась маленькая сцена, на которой, вероятно, по вечерам играли «живую» музыку. Оказалось, что Марину здесь знают, потому что миглом подлтевший официант обратился к ней по имени, выдвинул для женщин стулья и положил на столик два красочных меню. В заведении было всего несколько человек, но и время для наплыва посетителей еще не подошло.

– Я была одной из первых их клиенток, – пояснила адвокатесса необычное дружелюбие официанта. – С тех пор частенько захоживаю, а здесь ценят постоянных посетителей. Кроме того, я привела сюда парочку знакомых, так что... Ты будешь долму?

– Никогда не пробовала, – призналась Алла. – Это же что-то типа голубцов?

---

² Дудук – музыкальный духовой язычковый инструмент типа флейты.

– Точно, только не в капусте, а в виноградных листьях... Так, и еще бозбаш, хоровац... ты же любишь овощи, да?

– Ты не слишком ли размахнулась, подруженька? – пробормотала Алла, с тоской вспоминая о своей диете, как и о том, что Марина, в отличие от нее, ничуть не переживает из-за своего внушительного веса. – Мы с тобой после такого обеда не выйдем из этих дверей – официантам придется проталкивать нас в проем!

– Не волнуйся, не придется... вот, еще возьмем лепешки с зеленью женьялов хац и, пожалуйста, на десерт – барурик и гату!

Алла тихо застонала, но решила, что ради такого случая можно следующие пару дней посидеть на обезжиренном кефире и овощном салатике – в конце концов, не так часто она позволяет себе праздник желудка вроде нынешнего!

– Итак, расскажи, есть ли у тебя подозреваемые, помимо Эдуарда Вагнера? – спросила Марина, пока они сидели в ожидании заказа.

– Сначала ты поведай мне, каким образом Роман Вагнер пронюхал о задержании своего так называемого братца? – ответила Алла вопросом на вопрос.

– Он не дурак, этот Роман, видишь ли, – слегка пожала плечами Марина. – Когда твоя Медведь его навестила и начала расспрашивать об отношениях Эдуарда с Фельдманом, он смекнул, что «брату» грозит опасность, и позвонил мне. А я уже... ну, по своим каналам, как ты понимаешь!

– И с чего бы Роману так беспокоиться об Эдуарде?

– Не забывай, что Эдуард стоит во главе «Малахитовой шкатулки». Не знаю, правда, почему Роман сам не взял на себя эту функцию. Тебе что-нибудь об этом известно?

Алла озадаченно покачала головой: она и сама задавалась этим вопросом.

– Может, он предпочитает работать руками? – высказала она предположение вслух. – А если начнет заниматься бизнесом, то не сможет уделять этому достаточно внимания?

– Что ж, может статься, ты и права... Так какие есть версии?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.